

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

СВЕТА, Я ВЕРНУЛСЯ!

Дмитрий Шуйский

Дмитрий Шуйский
Света, я вернулся!

«Автор»

2020

Шуйский Д.

Света, я вернулся! / Д. Шуйский — «Автор», 2020

Умеете ли вы говорить с душами умерших людей? Нет? И я не умею. Но это может сделать индус Амрит Сингх, работающий на всемирную тайную корпорацию «Вера». В Москве он возглавляет йога-центр и среди своих клиентов находит души людей из прошлого и будущего. Не хотим сказать, что он и его коллеги по корпорации знают все, нет, не всё. Но зато это достоверно и правдиво, из первых уст. И это – эксклюзив, он проверяется жизнью. В водоворот событий вовлечен успешный пилот гонок «Формула-1» Василий Свешников. Он погибает в катастрофе, и его душа продолжает жизнь в теле новорожденного мальчика. Этому мальчику суждено стать еще одним избранным, подготовленным за замену Амриту, чье имя на санскрите означает – «бессмертный». Содержит нецензурную брань.

© Шуйский Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Осознание себя	6
Глава 2. Светлана	10
Глава 3. Амрит	14
Глава 4. Эдуард Кузинский	16
Глава 6. Амрит Сингх, начало работы	20
Глава 7. Шамсутдин Мургасян: самолетики	21
Глава 8. Амрит: начало пути	24
Глава 9. Василий: встреча с реальностью	29
Глава 10. Амрит: встреча с душой	32
Глава 11. Наташа и Амрит: первая встреча	35
Глава 12. Манохины: Свешников и семья	37
Глава 13. Арнольд Самуилович: сны	42
Глава 14. Арнольд Самуилович: судьбоносная встреча	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Шуйский Света, я вернулся!

Моей семье посвящается

Глава 1. Осознание себя

Великие умы обсуждают идеи.

Средние – обсуждают события. Мелкие – людей.

Индийский эпос

Пробуждение, как обычно, было тяжелым. Чувствуешь, что не выспался, встать не хочется, но все равно приходится.

Сначала включался слух – шорохи, стуки, воркование птиц, автомобильные звуки и прочая дребедень входила в мозг и давала ему сигнал: ты уже не спишь. Мозг – ленивая скотина, не признавал доморощенных будильников и желал спать дальше.

Далее в действие вступал мочевой пузырь, чуть позже – прямая кишка. Приняв угрожающие сигналы от вышеназванных партнеров по телу, мозг понял – надо что-то делать.

Неосознанно дернувшись, левая часть коры головного мозга приказала глазам открыться – мол, пора уже и к делу приступить, к жизни без сна.

Василий открыл глаза и увидел белёный потолок, не совсем белый, но вполне приемлемый для восприятия мужчиной средних лет, 25 лет от роду, который оказался в непонятной ситуации и в неизвестном месте.

А вот уж таких ситуаций у Василия в его бурной жизни было достаточно много. Взять хотя бы роман со Светкой в прошлом году во время очередных соревнований Формулы-1, где он занял третье место в составе российской команды.

Да-а, Светка, именно Светка вспомнилась Василию, когда он увидел этот потолок, потому как после бурной ночи вместе с ней, он в пять утра, откинувшись на подушки, созерцал потолок. Конечно не такой же, не тот, но потолок. Да, классная была женщина, почему-то со словом «была» вспомнил Василий. Ну да ладно – что было, то было.

Утро. Раннее утро. Как определить – раннее это утро или позднее? У каждого это понятие определяется по-своему. Для кого-то шесть утра – раннее утро, а эти же шесть утра для доярки – разгар работы. А для большинства раннее утро – время самых сладких снов, полетов в ярком пространстве, необыкновенных сочетаний реальности и мечты. И мечты эти никогда не озвучивались никому и никогда, даже самому близкому и знакомому. А уж о реальности и говорить нечего.

Светлане снился последний отпуск с Василием в Сочи, теплое море, необыкновенно нежные руки возлюбленного, сладкая истома любовной игры, приятное ощущение уверенности в настоящем. И сказала она возлюбленному:

– Васька, мой родной, принеси минералки из холодильника, больно пить хочу после тебя, иссушаешь ты меня, нехороший...

В томном ожидании освежающей влаги Светлана услышала голос Василия:

– Света, я вернулся!

Светлана облизнула сухие губы и осознала себя в настоящем.

На часах ровно четыре утра, за окном еще темно. Но то, что она воочию услышала голос Василия, вырвало её из сонного морока.

Рядом спал муж, Эдуард Кузинский, главный механик российской команды Формулы 1.

Откинув одеяло, Светлана спустила босые ноги на пол, ощутила мягкость иранского ковра.

Тихо-тихо, чтобы не потревожить мужа, на цыпочках она проскользнула в ванную и сидя на унитазе, вздрогнула – она осознала:

– Света, я вернулся...

Этот хрипловатый баритон она не спутала бы ни с каким бы еще.

Нахлынула тоска и ощущение непоправимого ущерба, утери. Из уголка глаза скатилась слеза и, оставив влажную дорожку на щеке, повисла на подбородке.

Света, сдержала рыдание, выдохнула. Спустив воду, подошла к зеркалу.

На нее взглянула молодая, немножко помятая после сна, приятная в своей свежести женщина. Короткая стрижка подчеркивала приятный овал лица, однако набухшие веки серых глаз выдавали ее настроение – Светлана была расстроена.

И лишь одно могло смягчить горечь утраты – новая жизнь внутри нее, всё понятнее и чувствительнее давала понять о своем существовании.

Помимо Светланы, в этот предрассветный час весть о пробуждении реинкарнированной души Василия получил еще один человек – руководитель московского отделения организации «Вера» мастер йоги Сингх Амрит. Во время ежеутренней медитации он увидел на своем внутреннем экране слабую розовую вспышку, за которой пришла информация, буквально означавшая «Я вернулся, учитель!». В душе мастера что-то вздрогнуло, какое-то предчувствие больших перемен – это была душа Василия Свешникова.

Не выходя из состояния медитации, тренер отметил эту точку в эфирном пространстве с тем, чтобы вновь вернуться к ней с целью налаживания постоянной ментальной связи.

Очнувшись от воспоминаний, Василий снова открыл глаза и увидел тот же потолок. Реальность сурово напоминала ему о своем существовании.

Да, – подумал Василий Сергеевич Свешников, – надо вставать и идти готовить завтрак. Ну, если не завтрак, то хоть кофе заварить. С этими мыслями он попытался встать и... не смог. Чему нежданно удивился: ни руки, ни ноги ему не подчинялись, сколько бы усилий он не прилагал. Было такое чувство, что он плотно связан по рукам и ногам.

Ситуация озадачила Василия, но не ошеломила. И тут же вспомнилась прошлогодняя гонка, во время которой в результате отказа тормозов его болид выкинуло с трассы, и машина врезалась в гору покрышек, что смягчило удар, но не уберегло от компрессионного перелома позвоночника. Вовремя подбежавшая бригада медиков-спасателей вытащила его из полуразбитой машины и погрузила на дежурный вертолет.

Всё в тот раз прошло удачно, хирурги ювелирно провели операцию и Василий тогда, точно так же, как и сейчас, лежал на спине и созерцал потолок, постепенно отходя от дурмана наркоза.

От прошлого настоящее положение вещей отличало лишь одно: тогда он видел свисающую ручку на кронштейне для облегчения вставания. Сейчас ее не было.

Чувство смятения стало темной волной подниматься из груди и накрывать всё тело, которое, кстати, Василий прекрасно ощущал.

Сегодняшняя ситуация напоминала ему прошлогоднюю, хоть и с некоторыми вариациями.

Справившись со смятением, он стал вспоминать: ... Что случилось вчера? А может быть и не вчера? А точнее – что случилось до этого... состояния?

Да, вроде бы, ничего особенного.

15 апреля в Сочи на трассе должен был состояться квалификационный заезд Формулы-1 в рамках Европейского турнира чемпионов. 12 апреля я прилетел из Москвы и как всегда поселился в гостинице «Жемчужина». Уже знакомый мне метрдотель Семен приветливо кивнул мне головой и спросил:

– Как всегда, в 512-й?

– Петрович, ты и так все знаешь, конечно.

Семен Петрович погрузив мои баулы на тележку, посеменял к лифту. Я же подошел к администратору – жгучей брюнетке Ниночке. Ниночке было лет 28, ее миловидное лицо украшала родинка на левой румяной щеке, в тон зеленым глазам были подобраны и неброские

украшения – изящные сережки и бусы из малахита. Чуть выше ямки на атласной коже ее шеи пульсировала жилка.

Радостно улыбаясь, Ниночка задала стандартный вопрос, на который я дал стандартный ответ:

– Да, снова на соревнования. Номер 512, как всегда. Оплачено десять суток.

Ниночка очень любила мои визиты в гостиницу, но не меня самого. Потому как больше меня она любила темный горький шоколад, несколько плиток которого я всегда дарил ей при этих встречах.

Вдохнув пряный аромат её французских духов и уловив заинтересованный взгляд зелёных глаз, я пошел к лифту.

Уже в номере, не распаковывая свои пожитки, я взял сотовый и набрал Светкин номер. Долго слушал длинные гудки, потом автоответчик ожидаемо сообщил о возможности перезвонить чуть позже. Я улыбнулся, представив гул пылесоса, Светкин лоб в капельках пота и завиток волос, упрямо лезущий в глаза. Перезвоню. Позже. И скажу позже тоже. Пусть мое предложение руки и сердца будет ей сюрпризом, неожиданностью.

Он не позвонил – был занят подготовкой к завтрашним гонкам, она тоже не перезвонила – хлопоты по дому отвлекли ее внимание. Никто из них не знал, что соединяющая их нить прервалась навсегда. По крайней мере, в этой жизни.

На трассу я вышел во всеоружии. Погода была самая благоприятная – небольшая дымка закрывала солнце, ветра практически не было. Я был настроен на победу. Мой наставник от команды «МакЛарен» Симон Юрьевич Волков как всегда, покровительственно похлопал меня по плечу и выдал в очередной раз дежурную фразу:

– Вася – ты рожден для побед! – При этом самым любопытным было выражение его крупного лица – выражения не было вообще.

Будучи знакомым с Волковым уже в течение пяти лет, я знал – это означает, что Симон Юрьевич находится в хорошем расположении духа.

Иначе, он, саркастически улыбаясь, стал бы уговаривать меня заменить лошадь (болид) и вообще «бензин тут плохой и тебе, Василий, было бы лучше заняться чем-нибудь другим».

Опуская все подробности начала гонки, я вспомнил, что на 5-м круге, будучи третьим и потеряв лишь 15 секунд на заправке, я шел успешно за Мерседесом под номером 34 и через три круга планировал его обогнать. И тут...

Последнее, что я отчетливо запомнил – металлическую стойку ограждения, торчащую из моей груди, и увидел команду спасателей невдалеке, налаживающих свой инструмент.

Говорят, что в предсмертные секунды перед умирающим проходит вся жизнь. Не знаю насчет всей жизни, а мне вспомнился последний поцелуй Светки, ее теплые податливые губы, пряный аромат ее тела, свежий запах волос и едва слышный шепот: – Милый, я жду тебя к ужину.

Последний толчок сердца качнул кровь в организм, я в последний раз отчаянно втянул в лёгкие воздух трека с запахами гари и масла и... не выдохнул – темная рамка небытия рухнула вниз.

Хоровод этих воспоминаний, пролетевших в моем мозгу, подвел меня к единственно возможному выводу в данной ситуации: я жив и я наблюдаю жизнь. На этой мысли глаза мои закрылись, и я уснул счастливым сном.

Не знаю, сколько я спал, но к бодрствованию меня призвали слова женщины, склонившейся над моим лицом:

– Смотри-ка, улыбается, молодец! Сейчас кушать будем, миленький!

При этих словах я действительно почувствовал зверский голод и подумал:

– Наконец-то!

Я почувствовал, как поднимаюсь и... ощутил теплую вкусную жидкость, льющуюся мне в рот. Рефлекторно втягивая в себя питание, я незаметно уходил в светлое забытие, в приятное ощущение защищенности и расслабленности.

Больше мне не надо было ничего. Все сиюминутные переживания о любовных победах, эфемерных достижениях на поприще спортивных соревнований абсолютно ничего не значили в сравнении с тем счастьем, которое я ощущал сейчас.

В редкие моменты я открывал глаза и видел приятное женское лицо, карие глаза светились любовью, губы шептали:

– Ешь, мой миленький, вырастешь большим – мамку накормишь....

– Мамку накормишь, мамку накормишь.... Мамку накормишь... – эти слова повергли меня в смятение: – Какую мамку? Где я? Что со мной? – бормотали мои губы.

– Я требую позвать дежурного врача! Я требую объяснить, что со мной! Я тре-бу-ю-ю-ю!

Где то издалека, как будто приглушенно я услышал младенческий крик. Подумал удивленно – откуда здесь, в больнице, младенец?

Пока я был занят истерикой, не заметил, что надо мной склонилась та же женщина и сказала:

– Покакал – вот и хорошо! Молодец!

С этими словами меня вдруг повернули вниз лицом и куда-то понесли. И вот тут я ощутил неестественность моего положения:

Чем меня кормили?

Как меня в реанимации так небрежно носят?

Что со мной?

Где я?!!

Глава 2. Светлана

Счастье само находит дорогу к сильному духом

Индийский эпос

Знакомство со Светланой состоялось на одной из первых лекций в сентябре. Нет, не так. Я впервые заметил симпатичную брюнетку слева от меня, в соседнем ряду лекционного зала, когда привстал с места, чтобы поднять упавшую авторучку. При этом в тишине зала грохот моего стула обратил на меня внимание окружающих. Я взял ручку, поднял голову и встретил взгляд карих глаз, увидел обаятельную улыбку однокурсницы, – это была она!

Будучи нерешительным в знакомствах с девушками, я решил навести справки, о чем попросил соседа по парте. И уже на втором перерыве между парами, мой разбитной сосед по студенческой общаге и по парте – Эдик Кузинский, подошел ко мне и заговорщицким тоном со смешком раскрыл мне тайну незнакомки:

– Да Светкой ее зовут, из Петрозаводска приехала, живет у своей тетки в Тушино. А чо – выбор неплохой: дерзай, как говорится.

Я долго не решался подойти к ней, и все время придумывал разные фразы, с которыми я подошел бы к Светлане. А она, почему то, при мимолетных встречах в институте с полуулыбкой отводила взгляд и продолжала траекторию своего полета мимо меня.

Не найдя подходящего повода для знакомства, я махнул на все рукой и после недельных мучений сделал решительный шаг. В перерыве между парами, заметив, что девушка была одна, без подруг, я просто подошел к ней и спросил:

– Скажите, нет ли у Вас каких либо препятствий для знакомства с одним молодым человеком?

Сердце заколотилось в ожидании ответа – а вдруг откажет....

– А что, для этого должны быть какие-либо препятствия? – мягким, приятным грудным голосом спросила Светлана. – Меня зовут Светлана. А Вас? Как Ваше имя?

Неожиданно покрасневшись, поддерживая шуточный тон разговора, я ответил:

– А меня родители при рождении нарекли Василием, – и расплылся в счастливой улыбке.

– Василий Сергеевич Свешников! – прозвучало в актовом зале МАДИ.

Очнувшись от своих воспоминаний, Василий вздрогнул от неожиданности. Сидевшая по левую руку Светка толкнула его локтем в бок и громко прошептала:

– Иди же, что ты сидишь! Иди-иди, получай диплом!

Василий встал и огляделся вокруг: в зале сидели его однокурсники, а вернее – уже выпускники. В ряду перед ним сидели счастливцы и рассматривали свои дипломы и нагрудные знаки. Сейчас и у меня будет такой же заветный документ, к которому я шел пять лет, – подумал Василий.

По оставшейся от армии привычке он одернул пиджак и почти что строевым шагом пошел к накрытому голубой скатертью столу. Там уже стоял, улыбаясь, декан факультета Загайнов: в левой руке он держал книжечку диплома с коробочкой нагрудного знака, а в правой у него была грамота.

– Ну что, Василий, поздравляю тебя – ты теперь инженер-автомобилист! – С этими словами Николай Аркадьевич вручил Василию диплом с нагрудным знаком и тут же взял микрофон:

– Уважаемые друзья! В этот торжественный день мне радостно, что наша альма-матер выпустила из своего гнезда подготовленных специалистов, и не только теоретиков, но и практиков!

С этими словами, декан поднял к глазам грамоту и зачитал ее:

– Грамотой награждается Свешников Василий Сергеевич за первое место в общегородских соревнованиях по мотокроссу!

Зал одобрительно зашумел, а потом гулко загремели овации. Среди оваций были слышны выкрики:

– Васька, молодец!

– Ну, ты даешь, Василий!

– Не посрамил честь факультета!

Смущенно улыбаясь, Василий взял грамоту, негромко пробормотал декану «спасибо» и пошел к своему месту.

Необыкновенно яркая, привлекательная и раскрасневшаяся Светлана уже ждала его, и, как только он опустился на место, поцеловала в щеку. И тут же, засмуцавшись, стала стирать помаду со щеки, тогда как окружающие одобрительно смеялись над ними.

Сергея, с которым они были друзьями не разлей вода с первого курса, нахально подмигнул левым глазом:

– Проставляешься!

– Ему нельзя – завтра он будет занят! – попыталась ответить за Василия Светлана.

– Знаю, знаю, чем он будет завтра занят, – ухмыльнулся Серега, – но это завтра. А сегодня – наш день!

– Да, да, да – поддержал Серегу известный проныра и юморист Эдик Кузинский, – сегодня мы и так гуляем в кафешке, вот там и поставишься.

– Не плачь, Петенька, не плачь, – сейчас попку вымоем и в сухое переоденем, – сказал низкий женский голос.

Я не мог понять, что бы это означало – вроде бы не реанимация, какой то Петенька – меня же Васенька, по крайней мере, надо называть. Что ж, коли сделать ничего невозможно, покоримся судьбе и подождем разрешения ситуации.

Меня вернули то же положение, как и до процедур: я лежал на спине и снова созерцал потолок.

Эдик умел ждать – ждать и добиваться успеха. Он был не семи пядей во лбу, но целеустремленным и настойчивым. Этими качествами он компенсировал свое тугодумство и тяжело дававшуюся учебу – что в школе, что в институте. Про таких говорят – задом берут.

Вот таким он и был с рождения – твердозадим.

Ростом Эдик не вышел – чуть ниже среднего, но был хорошо сложен, его глубоко посаженные карие глаза, обрамленные пушистыми ресницами, привлекали девичьи взгляды, а уж пшеничные волосы вообще его делали неотразимым. Так втайне думал он сам. Ну, и нередко видел это в реальности.

Дополнением ко всему служила его начитанность и хорошо подвешенный язык – он не чурался моментальных знакомств с девушками и раздавал комплименты направо и налево. Что, конечно же, благосклонно воспринималось прекрасной половиной человечества.

В тот далекий сентябрьский день Эдик Кузинский решил помочь Ваське – своему другу по общаге. Втайне от Василия он подошел к Светке и раскрыл ей тайну друга. Светлана зарделась, промолчала, но просьбу Эдика запомнила.

Конечно же, и до этого она не раз и не два замечала Василия в коридорах института, невольно ловила его взгляд украдкой, но не придавала этому значения. И тут, отмотав время назад, она осознала, что в этом парнишке есть что-то этакое, какая-то скрытая непонятная

сила, обаяние, что ли. Она не догадывалась – что именно это могло быть, и решила подождать – не торопить события.

Своими переживаниями она, конечно же, поделилась с Ольгой, однокурсницей. Та одобрила выбор подруги и шепнула, что отойдет от нее на одной из перемен, чтобы не мешать знакомству. Тактика сработала только на третий раз.

В перерыве между парами Светлана стояла в лекционном зале и смотрела на осеннюю Москву, на серое небо, морозящий дождь и оранжево-красный огонь осенней листвы. Она ждала, что он подойдет и разрешит, наконец, это томительное ожидание.

Сзади едва пахнуло ветерком, горло сжал неожиданный спазм, бешено застучало сердце, – Светлана, не выдержав, резко повернулась – но это была Ольга:

– Я видела его, мнется, сторае, ходит туда-сюда, жди его, отвернись – он придет, вот увидишь. Не оборачивайся, – громко прошептала она, вновь отходя в сторону.

Но ждать она больше не могла – повернулась: его хриловатый баритон обрушил ее сердце:

– Скажите, нет ли у Вас каких либо препятствий для знакомства с одним молодым человеком?

Для них, нашедших друг друга, сентябрь, октябрь, ноябрь того года не существовали как таковые – это был просто период сумасшествия, полного взаимопроникновения двух родственных душ и тел, неосознанного понимания краткосрочности сладостного бытия.

Он, отслуживший армию парень, был первым во всем истинно мужском, но не был дамским угодником.

Она, скромница, отработавшая телятницей на ферме у матери в Кондопоге, в Карелии, была хороша в труде, была швеей-мастерицей, не избалована вниманием.

И никто из них в те счастливые моменты не задумывался над тем – а зачем, собственно говоря, судьба свела их вместе, почему они подошли друг к другу, как ключ подходит к замку?

Собственно, глупо спрашивать – а кто из молодых пар задаются этим вопросом, они просто пользуются даром судьбы и все.

Но это не тот случай, о котором можно было бы забыть – кто знает, на какие испытания поведет судьба Василия и Светлану.

Василию не спалось, он лежал на спине и смотрел в потолок, освещенный желтым светом фонаря с улицы. Лежал по-прежнему недвижим, руки и ноги были как будто связаны, – он мог пошевелить только пальцами. С правой стороны он улавливал размеренное дыхание спящего человека:

– Сиделка, – подумал Василий и успокоился: значит все под контролем.

Поскольку времени у него было предостаточно, он предался воспоминаниям. По какой-то причине у него в памяти всплыл интересный эпизод, случившийся с ним еще на третьем курсе института.

Все его интересы в период учебы всецело были отданы мотоциклам, багги и картам: при институте была своя команда по мотоциклетному спорту, Василий азартно предавался этому увлечению, участвовал во многих соревнованиях, как в Москве, так и на выезде.

Светлана же интересовалась йогой и восточной философией, несколько раз в месяц посещала эти занятия, проходившие невдалеке от однокомнатной квартирki, где они проживали вместе с Василием.

Эта квартира на третьем этаже простой хрущевки на Юго-Западе Москвы досталась Светлане совершенно случайно, вследствие стечения обстоятельств.

Начиная с первого курса, Светлана как минимум раз в неделю пила чай с пирожными со своей родной теткой по материнской линии Анфисой Степановной Захаровой. Анфиса приходилась младшей сестрой матери Светланы и жила в Москве уже лет двадцать после отъезда из Кондопоги.

Никого особенно близкого в Москве у молодой студентки не было, ей очень не хватало семейного уюта и доверительных бесед, что она и получала от тетушки.

Этот привычный ритуал продолжался насколько лет, вплоть до того момента, когда тетка Анфиса специально не пригласила племянницу для разговора.

Они сидели на тесной кухоньке, обставленной стандартным советским гарнитуром. На небольшом столике, покрытом неброской светло-синей клеенкой в клеточку, стояла открытая картонная коробочка с тортом «Птичье молоко», блюдечко с нарезанными дольками лимоном, сахарница, заварочный чайник и две чайных чашки. На газовой плите, закипая, уютно сипел чайник.

Заметно волнуясь, Анфиса Степановна начала разговор:

– Светочка, милая, я тут, – ее голос задрожал, – это... хочу тебе сказать важную для меня вещь.

Светлана удивленно смотрела, на тетушку, не понимая причину ее волнения. Округлое лицо Анфисы Степановны выражало крайнюю степень возбуждения – ее зеленые, малахитовые глаза были широко открыты, губы дрожали, щеки порозовели.

– Я выхожу замуж, – смущенно наклонив голову, тихо сообщила тетушка.

В воздухе повисла тишина, нарушаемая свистком закипевшего чайника.

– Ой, как здорово!.. Поздравляю, поздравляю, – улыбаясь, привстала Светлана.

Тетка разлила чай по чашкам, положила себе и госте по куску торта:

– И это еще не все, – помолчав, продолжила она.

– Светка, живи в этой квартире – мне она пока без надобности, плати коммуналку и приезжай в гости... к нам. Хотя бы изредка, мы с Алексеем будем рады тебя видеть.

Паузу в разговоре прервала чайная ложечка, выпавшая из руки племянницы, она была ошеломлена этими двумя внезапно случившимися событиями – брызнули внезапно набежавшие слезы:

– Ой, тетя Анфис! Не знаю, что и сказать... Спасибо!..

– А ничего и не надо говорить – пользуйся, Светуля.

Таким образом, с середины второго курса Светлана жила уже не в общежитии, а в малогабаритной, но зато отдельной квартирке, чему была рада несказанно.

Глава 3. Амрит

Женщины – ученые от природы, мужчины – от книг

Индийский эпос

Надо сказать, что Света росла смышленной девочкой, много читала. Наверно поэтому еще с детства её интересовали вопросы духовного развития человека и его скрытых внутренних способностей.

Она попыталась найти себя в традиционной вере, но не нашла там того что искала. И в этом смысле Москва, в отличие от провинциальной Кондопоги, щедро давала возможности познания человека, развития внутренних возможностей организма и логического мышления. Именно это её увлечение и сыграет в дальнейшем важную роль в жизни многих людей и не только – впрочем, девушка этого знать не могла. Да и мы все осознаём случившееся с нами лишь спустя много лет. Если осознаём.

Как-то, копаясь в книжном шкафу тетушки, Светлана обнаружила небольшую выцветшую от времени брошюру о хатха-йоге. В книжечке, кроме информации о физическом самосовершенствовании, было кратко изложено вероучение восточных философов о духовном и волевом развитии человека, о его душе.

В собственно йоге ее в большей степени интересовали не только и не столько асаны, а философия появления, развития и перерождения души человека. И однажды, невольно наткнувшись взглядом на один из уличных рекламных плакатов, Светлана решила пойти в Центр йоги под названием «Путь духовного совершенствования». Центр располагался в отдельно стоящем двухэтажном коттедже недалеко от метро ВДНХ. Перед входом в здание можно было увидеть бронзовую табличку с крупной надписью «Путь духовного совершенствования», ниже чуть мельче было написано «Центр йоги». Ниже всех располагалась надпись «Информация правит миром». Но на эту надпись обычно никто не обращал внимания. А зря.

Занятия вел сухощавый индус лет сорока. Его блестящие, иссиня-черные волосы, открывали чистый лоб, темно-карие глаза на сухощавом лице всегда светились добротой и энергией. Он жил в Москве вот уже десятый год, довольно-таки сносно говорил по-русски, был интересным собеседником и ненавязчивым тренером. Его звали Сингх Амрит. Как он сам говорил, в переводе с хинди его имя Амрит означало – бессмертный. И еще. Обычно Амрит никогда не заострял внимание на том, что именно он возглавляет этот центр. Да собственно, обычно никто об этом и не спрашивал.

Примерно два раза в месяц Амрит вел духовные беседы со всеми желающими, рассказывал об основах индийской философии, проводил занятия по медитации и освобождению сознания.

И вот однажды, после занятий в одну из пятниц сентября, Светлана вернулась домой необыкновенно возбужденная, переполненная каким-то сокровенным знанием, которое бурлило в ней и вот-вот могло выплеснуться через край! Она желала немедленно поделиться этим с Василием.

Открыв дверь своим ключом, она впорхнула в квартиру, быстро сбросила туфельки и прильнула всем телом к Василию, встречавшему ее у двери. Ощувив знакомый аромат ее духов, тепло ее молодого тела, Василий осторожно взял в руки лицо подруги и нежно поцеловал теплые податливые губы.

– Я тут ужин приготовил, – объявил он, показав на столик возле дивана. На нем стояли две тарелки, обернутая полотенцем кастрюлька, салатик в миске, две чашки и открытая бутылка «Совиньона».

Они накинулись на немудреное угощение и поскольку оба были голодны, в комнате воцарилась тишина, прерываемая стуком вилок по тарелкам. Утолив первый голод, Василий налил вино в бокалы и предложил выпить за любовь. Светлана, улыбнувшись, взяла изящный бокал за тонкую ножку, приподняла его на уровень глаз в знак согласия и медленно, смакуя вино, отпила глоток.

Поставив бокал на столик, Светлана внимательно посмотрела на Василия. И как-то нерешительно, неуверенным дрожащим голосом сказала:

– Я хочу обсудить с тобой один вопрос, который мы еще ни разу не затрагивали.

Встретив удивленный взгляд возлюбленного, Светлана пояснила:

– Как ты знаешь, вот уже несколько месяцев я занимаюсь йогой под руководством тренера из Индии. Помимо физических упражнений, раз в неделю Учитель проводит с нами уроки медитации. Это своего рода философские рассуждения о жизни, душе и неразрывной связи человека с пространством и временем. И в этом плане индийские верования уделяют много внимания реинкарнации, а именно – переселению душ после смерти человека.

Василий внимательно слушал ее, машинально постукивая пальцами по столику, что выдавало в нем некоторую степень волнения. Он был технарем и эти «заумствования» считал ненужным и бесполезным делом, но решил не перебивать Светлану и дослушать ее монолог до конца.

– Я не хочу быть многословной и перейду к сути вопроса.

– Знаешь, я очень дорожу тобой, и хочу быть с тобой, как говорят в американских фильмах при венчании в церкви – и в бедности и в богатстве, и только смерть разлучит нас...

Здесь Василий не выдержал:

– Я не понял, о какой смерти ты говоришь, пока у нас все в порядке и никто из нас обоих умирать не собирается, разве не так?

– Всё так, любимый, – отвечала Светлана, – но в жизни все бывает. Люди смертны, и иногда внезапно смертны, как выразился однажды Воланд. Ты же знаешь – «Мастер и Маргарита» мой любимый роман.

Василий перестал барабанить пальцами по столику:

– И к чему ты клонишь, дорогая?

Светлана выдохнула:

– Я рассказала Учителю о своих страхах потерять тебя, и он воспринял это с пониманием. Короче говоря, он пригласил нас прийти обсудить этот деликатный вопрос, когда сможем.

Василий смотрел на нее и видел, что Светлана сильно волнуется: во время разговора ее голос дрожал, ее палец настойчиво накручивал локон, выпавший из прически, дыхание было прерывистым.

Дабы не обидеть Светлану, он согласился с её доводами и предложил вернуться к этому вопросу через пару дней.

Глава 4. Эдуард Кузинский

*На восходе солнце красно,
красно оно и на закате.
И в счастье, и в несчастье
неизменны великие.*

«Махабхарата»

Эдуард Арнольдович Кузинский проснулся отдохнувшим и в великолепном настроении, как обычно, в 6.30. Ночник возле его кровати был потушен – Светлана уже хлопотала на кухне: он почувствовал запах ароматного кофе.

Откинув одеяло, он надел тапочки и пошел совершать утренний моцион. Минут через двадцать пять он уже сидел за столом в столовой, благоухал туалетной водой и стучал вилкой по тарелке.

Светлана без макияжа, в коротеньком халатике, закинув ногу на ногу, сидела напротив, пила кофе и с улыбкой наблюдала за мужем.

– У тебя всегда изумительно вкусно получается яичница – он вилкой возил по тарелке кусочек бородинского, собирая остатки соуса.

Сегодня годовщина смерти Свешникова. Этого он не мог забыть никогда, даже если бы и захотел. И никаких угрызений совести по этому поводу он не испытывал: Светлана была заслуженным трофеем в борьбе с соперником, которому он всегда завидовал, хотя и не показывал этого никогда.

Тогда в институте, когда легкомысленно, как он посчитал позже, помог знакомству Светланы и Василия, Эдуард спустя некоторое время стал завидовать им черной завистью. В череде мимолетных связей и флирта он не увидел в Светлане того прекрасного лебедя, в которого она превратилась на пятом курсе института. И этот лебедь тогда принадлежал не ему. Он завидовал их счастью скрытно и понимал, что Светланы ему будет не добиться никогда.

– Никогда, пока жив Василий – вдруг тогда пришла к нему черная мысль.

Для Эдика реализация этой мысли стала целью в жизни. Именно поэтому он всегда изображал радушие в общении с ними: никто-никто не должен был знать ничего.

Вот и Светлана, раздумывая и прелестная – теперь уже его жена – сидела тут перед ним, а Свешников год как уже лежал на кладбище и Эдик об этом не жалел.

Прихлебывая кофе, Эдик вдруг заметил легкое облачко грусти на лице Светланы:

– Ты же помнишь... Год как уже его с нами нет... Приходи сегодня пораньше – помянем.

– Да, конечно, – деланно вздохнул Эдуард, – я отпрошусь у шефа.

Год прошел, а он все помнил до мельчайших подробностей. Василий был хорошим пилотом и в интуиции, профессионализме и настойчивости он не уступал лидерам западных команд. Вот и тогда, в этот день он уверенно шел вторым за лидером и на 8 круге должен обойти лидера, гнавшего к финишу на «Мерседесе» под номером 34.

У Эдика все было рассчитано. Именно сегодня и ни днем позже соперник должен был уйти с его пути – зачем было время тянуть. При таких скоростях и нагрузках на двигатель и подвеску произойти могло все... Но, в основном, не происходило: служба механиков работала слаженно, вовремя диагностировала параметры всех важных узлов болида.

Но если ты хорошо знаешь «лошадку», ты знаешь и ее слабые места. Эдуард знал это место и знал, что тяга держится на честном слове и может подвести в любой момент. Он не боялся обвинений: есть такое понятие – усталость металла и подменить одну деталь на другую было делом техники. Или техника:

– А я и есть техник, – подумал тогда Эдик.

И удача не подвела, вернее, подвела, но не его. На шестом круге на противоположной стороне трассы он увидел столб дыма, по рации услышал:

– Свешников вылетел! Врезался в ограждение! Срочно направить бригаду спасателей и врачей к месту аварии! Если необходимо – использовать вертолет для доставки в больницу!
– надрывал свой голос тренер.

У Эдуарда екнуло в груди – это случилось... Наконец. Путь открыт.

И он знал, благодаря кому путь открылся.

Полтора года назад, уже после окончания МАДИ, Эдуард понял, какую ошибку он совершил, просто так отдав Светлану Василию. Он ходил рядом с этой счастливой парой и просто сгорал от зависти, ревности (хотя не имел на нее права) и ненависти. Это могло затянуться надолго, а Эдик не знал, как решить эту проблему.

То ли интуитивно, то ли еще по какой-то причине, он решил тоже пойти на занятия в Йога-Центр, куда уже ходила Светлана. К упражнениям по йоге он относился с прохладцей, только имитируя их. Его главным и даже не до конца осознанным стремлением было нахождение рядом с ней. Но зачем? Что заставляло ходить Эдуарда на эти, с его точки зрения, бесполезные кривляния?

Позже он понял, но позже.

Директор Центра Сингх Амрит заметил паренька, который примерно в одно и то же время, совпадающее с графиком Светланы, приходит на занятия. Отсканировав его оболочки, он увидел душу низкого уровня, ни в коем случае не обладавшей задатками развития – душа Эдуарда была темной и таила в себе гнев и злость. Это тот человек, кто мне нужен, решил Амрит.

На одном из последующих занятий он пригласил к себе Эдуарда на сеанс психотерапии. Амрит знал этот тип людей и прямо, без обиняков объяснил Эдику, что он должен сделать для того, чтобы получить приз в виде Светланы, ну а о том, что достанется ему самому, он умолчал.

Приз достался обоим: Эдуарду – Светлана, а Амриту – реинкарнированная чистая душа Василия Свешникова.

Глава 5. Амрит Сингх и Василий Свешников

Мягкость побеждает мягких,

мягкость побеждает суровых.

Нет ничего недостижимого для мягкости.

Мягкость сильнее всего.

«Махабхарата»

Амрит медитировал каждый день ранним утром. Еще светили ночные фонари, стояла предутренняя тишина, на улицах Москвы не было еще машин. Заря еще только зарождалась, и в это предутреннее время во всей Москве на утреннюю медитацию вставал только он, Амрит. Это он так думал.

В это время уже не спала Светлана – она хорошо понимала, что в жизни означают приметы, которых она встретила уже немало. Но не придавала им значения. А зря.

Утренние медитации простого, на первый взгляд, преподавателя йоги заключались в желании войти в информационное пространство и получить данные о новых душах из прошлого и будущего: души из настоящего его не интересовали – в них не было необходимой Амриту информации, они были бесполезны и пусты. Но в этом правиле было исключение – душа Свешникова. Да, да – именно Василия Свешникова, близкого знакомого Светланы, его ученицы.

Амрит хорошо помнил, тот день, когда Светлана привела Василия Свешникова к нему на занятие. Индус бросил на него взгляд и тут же внутренним зрением отметил некий серебристый ореол над головой Василия – это был именно тот человек, душа которого ему была нужна.

Правда эта душа была еще незрела и находилась на полпути до требуемого совершенства. И для завершения пути к столь необходимому этапу ей нужна еще одна реинкарнация.

– Здравствуй, Светлана, – поприветствовал он вошедших. – Насколько я понимаю, рядом с тобой Василий Свешников? – склонил голову в приветствии Амрит.

– Да, Учитель, я привела его. Пусть Василий сам приобщится к миру эзотерики и непознанного. Возможно, это пригодится ему в будущем. Правда, Василий, – Светлана с улыбкой повернулась к возлюбленному.

Амрит внимательно наблюдал за ними.

Свешников ответил не сразу – он оценивал непонятную ситуацию и не понимал – как реагировать, да и будущее... кто мог знать это будущее – Светлана, Амрит или кто-то еще?.. Подняв голову, Свешников открыто посмотрел в глаза индуса и не обнаружил в них никакого подвоха, лишь полуулыбка Амрита означала его благожелательное отношение к вошедшему.

– Ну что ж, давайте, попробуем, – неожиданно севшим голосом просипел Василий.

По длинному коридору мимо стойки администратора и залов для занятий они прошли в кабинет Учителя. В маленькой приемной посетители сняли верхнюю одежду и обувь и вошли в кабинет. Слева от входа, у самого окна, задрапированного бархатными шторами, стоял массивный канцелярский красного дерева стол с двумя тумбами, пол был устлан мягким ковром – Персидским, – почему то подумал Свешников.

– Да нет, это я его из Кашмира привез, – с полуулыбкой отметил Амрит.

Свешников удивленно повернулся:

– Я же ничего не сказал....

Амрит промолчал и жестом пригласил гостей сесть на кресла с кожаной обивкой.

Как только Василий устроился в кресле, он всем телом почувствовал расслабляющее тепло и уверенность, которую излучал Амрит. Энергия Учителя проникала в него беспрепятственно, и Василий услышал вопрос Амрита: «Ты готов пойти по пути самосовершенствования?»

Подняв глаза, Свешников отметил, что губы Амрита не шевелились и понял – Амрит напрямую передает ему свои мысли и ощущения.

– Да, – ослабевшим голосом ответил Василий, – Светлана удивленно посмотрела на Свешникова, но ничего не сказала.

Во время беседы Амрит рассказал об основах индуистских вероучений, и в том числе о вере индусов в переселение душ. Многое для Василия было неизведанным и интересным, его воображение рисовало неуловимые для мозга картины, он пребывал в непонятном возбуждении и предчувствии чего-то интересного.

Во время беседы со Свешниковым, Амрит внимательно наблюдал за ним и понял, что зерна упали в благодатную почву. Да и сама расслабляющая обстановка, тихая мелодичная музыка, подобная журчанию весеннего ручейка, и курящиеся благовония способствовали проникновению идей в мозг испытуемого. Свешников невольно попал под обаяние Амрита и жадно впитывал новую, интересную и неизведанную информацию: теории, излагаемые Учителем, в корне отличались от представлений Василия об окружающем его мире.

В конце первой беседы Свешников понял – ему безумно хочется погрузиться в глубины этого нового знания, и он готов продолжить учебу. Светлана с восторгом восприняла его решение, и её карие глаза засветились радостью.

По окончании беседы пара попрощалась с Учителем и в полном молчании вышла из кабинета. И в тот момент, когда они шли по коридору, Василий, несмотря на возвышенное настроение, краем глаза заметил известного политолога, вышедшего из зала для занятий и оживленно беседовавшего с не менее известным экономистом. До него донесся обрывок фразы:

– ... да, я с Вами согласен: эту информацию надо обязательно донести до Президента...

– Ты видела? – спросил он, повернувшись к Светлане.

– А...? – отрешенно отреагировала Светлана. Этот вопрос застал ее врасплох и отвлек от заторможенного состояния, в котором она находилась после встречи с Амритом.

– Что ты сказал?

– Да ладно, уже ничего, моя родная, – обнял ее за талию Свешников, поскольку замеченные им две мужские фигуры уже скрылись за одной из дверей.

Глава 6. Амрит Сингх, начало работы

*Радости полон мир для того,
кто смотрит на всех
без вражды и предубеждения*

Индийский эпос

Амрит Сингх возглавил московское отделение международной организации «Вера» десять лет назад, когда приехал в Москву, а вернее сказать, прилетел из солнечной и теплой Индии ранним утром 5 ноября. Московская погода не радовала: снег вперемешку с дождем и ветром мог вывести из себя любого приезжего южанина. Но не Амрита. Он вышел из салона самолета, улыбаясь открывающимся возможностям в развитии и карьере. На нем было короткое темно-коричневое полупальто, отутюженные темно-серые брюки приоткрывали коричневые замшевые ботинки на меху. В правой руке гость держал фетровую шляпу, левая была занята небольшим желтым саквояжем из свиной кожи. Другого багажа у него не было.

Посему, быстро пройдя пограничные и таможенные формальности, Амрит сел в ожидавший его лимузин и отправился в московский офис «Веры» принимать дела. Поскольку индус ни разу не был в Москве, он с интересом рассматривал пролетающие за окном автомобиля городские пейзажи – едва прикрытые первым снежком газоны, ветви голых деревьев, склонившиеся под мокрым снегом, темные фасады домов с нагроможденной на их крышах рекламой.

Водитель ни разу не позволил себе прервать молчание пассажира, лишь изредка поглядывая на него в зеркало заднего вида.

Амрит был погружен в себя – он уже начинал планировать свою работу на новом месте.

В соответствии с учением, знание о котором он получил во время многолетнего обучения в ашраме мастера йоги Свами Шивананда, Амрит был полностью закрыт от внешнего мира и являл ему только свою внешнюю физическую оболочку. Духовная, или внутренняя ментальная часть его тела являла собой разительный контраст с внешней. Никто и никогда не видел его раздраженным или сердитым – его внешний вид всегда выражал уверенность и спокойную настойчивость.

Главной миссией Амрита в Москве, как впрочем, и всех других представительств в столицах большинства государств мира, было получение возможно более точной и упреждающей прогнозной информации о ситуации в политической жизни, экономике, и других сферах жизни в месте пребывания, в данном случае – в России.

Для обычных посетителей это был Центр здоровья – йога-центр под названием «Путь духовного совершенствования». Располагался он недалеко от метро ВДНХ на Ярославской улице и занимал отдельно стоящее здание.

Глава 7. Шамсутдин Мургасян: самолетики

*Кто равнодушен к похвале и порицанию, кто не отвечает ударом на удар,
кто не желает обидчику зла,
тому завидуют боги*

«Махабхарата»

Советник Президента следил за своим здоровьем – перед завтраком делал обязательную гимнастику, разминал связки, разогревал мышцы и делал короткую пробежку в парке. Он считал, что завтрак обязательно должен быть заработан.

Весь процесс занимал не менее 40-45 минут. В это время его никто и ничто не могло побеспокоить, за исключением, может быть, звонка Самого.

Он был сравнительно молод, пятидесяти лет от роду, ростом более среднего, крепкого телосложения, круглое лицо с пронзительными серыми глазами оттеняла русая шевелюра жестких волос. Был разведен лет пять назад. Злые языки говорили, что он женат на своей работе и ничего большего не желает. Но мы-то знаем, что он желал тепла и женской ласки, но никому в этом не признавался, даже единственно вхожему к нему другу детства Костику.

Каждый рабочий день Советника Президента складывался примерно одинаково и начинался в 8.00 утра. Сегодня, как и всегда после приветствия дежурного на входе, Советник проследовал в свой кабинет, где на девственно чистом рабочем столе лежала единственная папочка, обычно вмещавшая в себя не более пяти страниц машинописного текста.

Первая дверь открылась бесшумно, толкнув вторую, Сергей Константинович вошел в свой кабинет. Вдохнув полной грудью, он ощутил в воздухе свой любимый запах – аромат лимонника. Этот запах напоминал Советнику юность и его молодые годы, мимолетные увлечения и влюбленности... Однако он отогнал эти воспоминания и босиком, в одних носках, утопая в ворсе персидского ковра, прошел к своему столу.

Рабочий стол Советника представлял собой творение столяра-краснодеревщика – обширная столешница была отделана шпоном карельской березы, оттененной морилкой и покрытой прочным лаком. Темный дуб стоящих под столешницей тумб подчеркивал строгость композиции. По левую руку от Советника на столе находился немалых размеров монитор с шильдиком «Samsung» с соответствующей клавиатурой и мышью. Композицию дополнял строгий канцелярский прибор с двумя ручками по бокам, отрывным календарем посередине и часами в виде штурвала. Календарь был открыт на дате 12 февраля, чуть ниже на той же страничке виднелась надпись «Сегодня!», написанная быстрым почерком Советника и отчеркнутая двумя линиями.

Слева от рабочего места Советника можно было увидеть приставной столик с множеством телефонов различной конфигурации и предназначения, там же стоял микрофон.

Сергей Константинович прошел за стол, сел во вращающееся кресло, при этом его ноги привычно нащупали стоящие под столом тапочки. Потянувшись правой рукой за папочкой с листочками, Советник, непроизвольно отметив у себя в подсознании надпись «Сегодня!» на календаре, положил папочку перед собой. Но открывать не стал. Задумавшись, он подложил ладонь левой руки под чисто выбритый подбородок, правой рукой оперся на столешницу и бросил взгляд в одно из окон. За окном бесшумно крупными хлопьями медленно падал снег, желтым светом приглушенно светили уличные фонари, через приоткрытую форточку доносился ненавязчивый шум большого города.

Это было безобидное хобби – пускать бумажные самолетики с 34-го этажа высотного здания. Если вернее сказать – с вертолетной площадки этого здания. А если более точно выра-

зиться – Президент Корпорации информационной безопасности «The Victory Herald» Шамсутдин Анварович Мургасян любил это дело.

Каждый день он поднимался по лестнице на 34-й этаж своего офисного здания, кивал охраннику, стоявшему возле двери на вертолетную площадку, выходил наружу и подходил к парапету, окружавшему площадку.

Руководитель аппарата знал об этом хобби своего шефа и старался сделать обстановку на крыше как можно более комфортной: летом здесь стоял большой оранжевый зонт на растяжках, под зонтом на столике запотевала бутылочка «Виши» и вазочка с фруктами. Зимой заветное место было заботливо огорожено прозрачными пластиковыми панелями, ноги шефа обдувал теплый воздух из калорифера, под навесом ждал термос с зеленым китайским чаем (Шамсутдин Анварович предпочитал чай из Китая, исключительно с плантаций провинции Сычуань).

Иногда Президент выходил на площадку, подходил к парапету и... ничего не делал. Он стоял и задумчиво смотрел в дымку Нью-Йорка и размышлял о превратностях судьбы, о причудливых завитках времени, а также о том, почему сегодня ему жмет правый ботинок.

В таком благодушном состоянии он иногда проводил минут 15-20 до тех пор, пока к нему не подходила руководитель кадровой службы Прасковья Петровна Сыч-Поваляева с напоминанием о важных делах.

Вот и на этот раз, теплым летним днем, его транс прервался оттого, что Шамсутдин Анварович почувствовал прикосновение чего-то влажного к своей шее. Не оборачиваясь, он подумал о том, что Парашка совсем заигралась и стала переходить грани дозволенного. Но, ощутив конский запах, он понял – любимый пони Мишико тоже его любит и явился к хозяину за очередной порцией соленых сухариков.

Шамсутдин обернулся и, угостив Мишико сухариком, увидел, что немного поодаль от него стоит Прасковья и держит в руках какие-то документы.

– Прасковья, ты что-то хотела? – ласково спросил Президент.

– Да, Шамсутдин Анварович, нам надо решить один вопрос. Он конечно не принципиальный, но имеет серьезное значение, – ответила Прасковья.

– Ну и что же важное ты хотела решить в этот великолепный момент здесь, в Нью-Йорке? – поинтересовался Шамсутдин Анварович.

– Это касается последней информации из России. Шифрограмма поступила двадцать минут назад из Москвы, – ответила Прасковья. – Оригинал находится в начале папки, расшифровка – под ним.

– Гм... Положи на стол, я читаю.

– Ах, Москва!.. – задумчиво сказал шеф, – там прошла моя юность. Хорошее место.

Прасковья улыбнулась его словам и вышла.

Самолетики в этот день не летали.

В кабинете Шамсутдина Анваровича стоял мягкий полумрак, плотные шторы отгораживали мир Президента от яркого нью-йоркского лета, тихо гудел кондиционер, в воздухе почти неуловимо витал запах мяты и свежескошенного сена. Была середина рабочего дня, и Президент был занят любимым делом – он конструировал бумажный самолетик из тонкого оранжевого картона.

Президенту было чуть за пятьдесят, роста он был чуть выше среднего, вьющиеся каштановые волосы с небольшой проседью (как говорят в штатах – salt'n'pepper) немного завивались на кончиках и были зачесаны назад. Карие, навывкате глаза внимательно наблюдали за тем, что делают его руки. А руки Шамсутдина Анваровича выглядели очень благородно: хорошо сформированные кисти заканчивались пропорциональными пальцами с ухоженными ногтями, каждый из которых был покрыт бесцветным лаком.

Так вот, цепкие пальцы Президента ловко складывали очередной бумажный самолетик, который должен был стать новым достижением бумажного самолетостроения.

Шамсутдин уже мечтательно закатил глаза вверх и представил, как это его творение воспарит над уставшим Нью-Йорком и приземлится где-нибудь на газоне или окончит свою жизнь в Гудзоне. Его благостные мечтания неожиданно прервал мягкий зуммер телефона. Он взглянул налево и среди трех десятков горевших зеленым кнопочек на пульте, отметил одну оранжевую – это была его верная помощница Прасковья Петровна. Мургасян нажал на эту кнопку и спросил:

– Ты что-то хотела, Прасковья?

– Да, Шамсутдин Анварович, время ланча наступило, вы что-то будете..., – запнулась Прасковья... что-то принести?

– Прасковья! – у Президента неожиданно сорвался голос и он просипел, – Я сколько раз тебе говорил, что по-русски это называется – обед! О-бед! И по-русски надо было спросить: вы будете обедать? Понятно?!

Прасковья Петровна, привыкшая к этим вспышкам Президента, примирительно сказала:

– Шамсутдин Анварович, я исправлюсь, вы же знаете...

– Да знаю, знаю, – так же быстро успокоился шеф. – Так что там у нас на обед?

– Салат из узбекских помидоров, украинский борщ с пампушками, бефстроганов с гречкой и вишневый компот.

Про хлеб Прасковья благоразумно промолчала – Президент принципиально его не ел и считал американский хлеб причиной полноты.

– Несите, я уже не могу ждать, – капризно проворчал Шамсутдин, отключил интерком и откинулся в кресле, потирая ладони в предвкушении трапезы.

Через три минуты дверь кабинета мягко открылась, и на толстый персидский ковер въехала двухэтажная тележка с судками. Тележку толкала миловидная шатенка в кремовой блузке в паре со стильной юбкой от Гуччи, ее грациозные стройные ножки в ажурных чулках были обуты в изящные туфли на низком каблуке. Подкатив тележку к креслу Президента, Прасковья низким грудным контральто сообщила:

– Шамсутдин Анварович, вы просили напомнить об одном деле.

– Да какое тут дело – обед стынет, – сглотнул слюну голодный Мургасян.

– Я просто исполняю ваше указание – напомнить о том, что Москва предлагает провести удаленную видеоконференцию с Вашим участием по вопросам, отмеченным в их шифровке.

Президент, с трудом оторвав взгляд от дымящейся тарелки борща, вдруг озаботился:

– А надо ли это делать именно так – удалённо? Могут ли наши специалисты обеспечить необходимую безопасность при связи?

– Я вам позже доложу, после обеда, – объявила помощница и с этим вышла из кабинета, а Шамсутдин, засунув накрахмаленную салфетку за ворот, приступил к трапезе.

Глава 8. Амрит: начало пути

*Безумный утешается прошедшим,
слабоумный – будущим,
умный – настоящим.*

«Махабхарата»

Амрит Сингх готовился к своей миссии задолго до того, как узнал, что поедет работать на свою постоянную должность в Москву. Хотя нет, его готовили – кропотливо, настойчиво. Да и сам он стремился познать все доступные ему тайные знания в полной мере, в бурном океане жизни этот опыт будет его охранной грамотой, щитом от случайностей и целенаправленных нападений.

О своей прошлой жизни он знал лишь одно – его душа после последней инкарнации стала совершенной. Сам он получил доступ к таким возможностям, о которых простые смертные даже не подозревают.

Он запомнил этот утренний день сентября, когда наставник приюта, в котором он жил практически всю свою жизнь, пригласил мальчика в свой кабинет. Эту весть к нему принес давний друг Амрита – Вимал:

– Послушай, Амрит, Учитель сказал, чтобы ты шел к нему немедленно! – выпалил мальчишка.

– А он не сказал, по какой причине он меня вызывает? – поинтересовался Амрит.

– Нет, не сказал, просто послал меня за тобой. Иди уже, нельзя заставлять Учителя ждать.

Амрит встал из-за рабочего стола, где занимался перебором лука-севка, вытер руки тряпкой и нехотя пошел к Учителю. Амрит считал, что господин Девдал Сингх излишне строг и не испытывал особого желания лишний раз встречаться с ним.

Поднявшись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж приюта, Амрит робко постучал по краешку лакированной двери с номером 23. За дверью стояла тишина. Мальчик постучал еще раз, посильнее – и услышал:

– Да, открыто, заходи.

Амрит зашел, низко склонив голову, неуверенно шагая куда-то вперед. Но далеко он не продвинулся, остановившись перед потертым ковром кашмирского происхождения. Его стеснение остановил неожиданно мягкий и вкрадчивый голос Учителя:

– Амрит, мальчик мой, не стесняйся, пройди на середину.

– Может же вежливо разговаривать, если захочет, – почему то подумал Амрит.

Он поднял голову и был поражен убранством кабинета: по левую руку от него всю стену занимали полки с книгами. Перед полками стояла небольшая деревянная лестница, на верхней ступеньке которой лежала раскрытая книга. Справа от книжных стеллажей стоял письменный стол со всякого рода принадлежностями, за ним стояло небольшое кресло, окно позади стола было задрапировано темно-пурпурными шторами. Несмотря на тридцатиградусную жару, в кабинете было прохладно – натужно гудя, работал кондиционер.

Хозяин кабинета и его неизвестный гость сидели в креслах за низеньким столиком красного дерева и пили чай из небольших фарфоровых чашечек. Перед ними стоял обычный деревянный стул.

Неизвестный гость был европейцем, сухощавого сложения, возрастом чуть постарше Учителя. Темные волосы посетителя были аккуратно подстрижены, темно-карие глаза на лице с тонкими чертами выражали интерес к стоящему перед ним мальчику, лицо светилось благожелательностью, губы были сложены в приветственную улыбку.

После приветствий Учитель предложил юноше сесть и начал разговор.

– Амрит, я знаю тебя уже одиннадцать лет, прямо с того момента, как тебя, маленького трехлетнего мальчика, мы взяли в наш приют. За это время много чего случилось в наших взаимоотношениях – и плохого, и хорошего – мы люди, и это издержки взросления и воспитания личности. Если ты в чем-то обижен на меня, а я знаю, что обижен, прости меня – так было надо, позже поймешь. Жизнь – жестокая вещь и надо быть всегда готовым встретить ее невзгоды достойно. Ибо сказал Кришна: «Все наши дела, мысли и речи следуют за нами. Творите же доброе!»

При этих словах гость согласно кивнул головой.

– Мальчик мой – всему свое время, было время встреч – наступило время расставания. Тебе нужно расти и развиваться, я вижу в тебе задатки: алмаз можно найти и он будет дорого стоить, но истинно ценным станет только правильно ограненный алмаз – бриллиант.

Амрит не верил своим ушам, в его душе поднималось смятение – он не знал, к чему это ведет, но одно понял точно – предыдущая жизнь закончилась, начинается другая. Ошарашенный речью Учителя он молчал и ждал дальнейшего развития событий.

Учитель тоже был взволнован – он напряженно сидел в кресле, чуть наклонившись вперед, его сложенные ладони были зажаты между колен, он часто сглатывал и облизывал губы. Таким его Амрит еще не видел – дело было действительно серьезным.

Поняв, что пауза слишком затянулась, Девдал Сингх повернулся к гостю и приглашающе кивнул головой. Тот понял и продолжил разговор:

– Меня зовут Джон Смит (с таким же успехом он мог бы назваться и Джеком Брауном, да кем угодно – это не имело бы никакого значения) и я приглашаю тебя продолжить обучение в ашраме, основанным мастером йоги Свами Шивананда.

Закончив свою краткую речь, гость продолжал внимательно рассматривать на Амрита в ожидании ответа.

Мальчик тоже смотрел на, судя по всему, иностранца, и знал, что отказаться нельзя: несмотря на расслабленное выражение лица, внутри Джона Смита была заключена энергия большой мощности, которую мог не почувствовать разве что стол.

Лоб Учителя покрыли бисеринки пота в ожидании ответа.

– Да, я согласен, – намеренно сдержанно ответил Амрит, – Учитель выдохнул и поспешил завершить разговор:

– Вот и хорошо.

Иностранец тонко улыбнулся:

– Завтра утром в 6.30 за тобой заедет машина, будь готов.

Учитель взмахнул тыльной стороной ладоней от себя в направлении воспитанника – можешь идти.

Амрит встал, поклонился и вышел, но на душе висел груз, он был в контейнере, упакован и опечатан. А что было внутри – он не знал.

– ... Заедет машина, машина, ма... – не понял. За мной – заедет машина?!

На следующий день ровно в шесть утра он уже стоял за воротами приюта. Было прохладно, холщовые брюки и простенькая серенькая рубашка с длинными рукавами не очень то согревали мальчика. Нельзя было сказать, что холодная дорожная пыль, толстым слоем пудры покрывавшая дорогу, была ему приятна, его босые ноги сильно замерзли, но Амрит умел терпеть. В левой руке он держал пластиковый пакет с немудреными пожитками. Там была пара нижнего белья, выданные по случаю первые в его жизни черные ботинки, кусок мыла и лепешка.

Длинные тени от яркого утреннего солнца причудливо легли на пыльную проселочную сельскую дорогу, где-то в ветвях деревьев ссорились попугаи с длинными яркими хвостами. На улице никого не было. Амрит поеживался и, повернув голову направо, вглядывался в дорогу, которая пересекала поля подсолнечника и виляла по холмам. Вскоре он заметил темную точку,

которая двигалась в направлении приюта – это и есть тот самый обещанный автомобиль – сообразил юноша. Он был чрезвычайно взволнован грядущими событиями и немного опасался их: мы ведь часто боимся неизвестности – она может нести не только хорошее, но и плохое, которое, впрочем, случается совсем нередко.

Минут через десять, воздымая клубы пыли, тархтя мотором, к воротам приюта подъехал старый, обшарпанный школьный автобус с признаками желтой краски на бортах – остальное было скрыто засохшей грязью. Прошипев тормозами, автомобиль остановился около ворот, со скрипом открывшаяся дверь выпустила из чрева механической повозки неожиданно молодого водителя, который с улыбкой спросил:

– Ты Амрит? – Юноша кивнул головой: от волнения у него пересохло горло.

– Залезай, поедem к месту назначения.

Помимо него в автобусе сидели еще пять мальчиков-подростков такого же возраста, как и он. Амрит прошел в салон и сел на свободное место. Затарахтел стартер и с третьего раза автобус, дернувшись, поехал в неизвестность.

Ашрам, основанный мастером йоги Свами Шивананда в Ришикеше, встретил послушника холодно и неприветливо, впрочем, Амрит давно не ожидал от жизни никаких подарков, и все что происходило вокруг него, воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Гнев и милость приемли равнодушно – этим правилом он пытался руководствоваться в жизни.

Дежурный отвел новичка в келью, которую он разделил еще с одним послушником. Того не было на месте, и Амрит сложил свои немудреные пожитки в прикроватную тумбочку и присел прямо на голую сетку кровати, поскольку матрас вместе с подушкой был свёрнут в рулон.

– В семь часов у нас ужин. Опоздаешь – останешься голодным. Душ и туалет – в конце коридора. Располагайся, а завтра, – здесь дежурный улыбнулся, – будешь удостоен приема у Мастера.

Для всех в ашраме день начинался в пять утра. Именно в это время все послушники собирались в общем зале, где происходило таинство медитации. Исключение составили только появившиеся вчера новые послушники. После подъема к ним пришел дежурный по комплексу зданий и, посвятив в распорядок дня, рассказал о ежедневных занятиях по йоге и обязательных работах по хозяйству. За каждым из мальчиков закреплялся опытный послушник, с опытом обучения не менее 3-х лет: никто не должен был оставаться здесь сам по себе. Отныне все должны были стремиться к цели самосовершенствования.

Единственное, чем этот день отличался от сотен последующих – это был день приема вновь прибывших у гуру – самого мастера йоги Свами Кришнанада.

После завтрака, который состоял из тарелки риса, лепешки и несладкого зеленого чая, ребят сопроводили в комнату для медитаций. Это был небольшой зал на втором этаже ашрама, Сквозь задрапированные темной тканью окна пробивался слабый свет, на деревянном, чисто выскобленном полу, лежали камышовые циновки, в углу на невысокой деревянной подставке курилось благовоние. Дежурный указал мальчикам на циновки вдоль стены напротив окон и предложил сесть на них. Сам он расположился рядом. Это был молодой индус лет 26, в белом саронге, с гладко выбритой головой, темно карими глазами с длинными ресницами, тонким носом и чувственным ртом.

Спустя пять минут в комнату быстрым шагом зашел босой мужчина лет пятидесяти в саронге оранжевого цвета. Вслед за дежурным мальчики встали и поклонились в традиционном индийском приветствии. Мастер, а это, по-видимому, был сам Свами Кришнанада, жестом дал понять присутствующим, что им можно сесть.

Свами Кришнанада опустился на одну из циновок и тихим, но проникающим в сознание каждого голосом стал рассказывать об учении йогов и о пути самосовершенствования. Он рассказывал о вроде бы простых и понятных истинах, которые, по сути, должны быть понятны

каждому человеку, старающемуся осознать себя и свое тело, познать смысл своего существования на земле.

Но больше всего в рассказе Мастера поразило Амрита одно утверждение:

– Человек гораздо больше знает об окружающем его мире, нежели о себе самом. И самое главное в познании себя – не знание о своих возможностях, а вера в то, что ты можешь это сделать сам. Знайте, мои мальчики, на каждого воздействует то, во что он верит. И поверьте в мой опыт, это воздействует и на других, которые пребывают в неведении о ваших знаниях, и о вашем мастерстве, а также об энергии вокруг всех нас, которую вы научитесь использовать при достижении поставленной цели.

– Есть много скептиков, которые отрицают существование Высшего сущего, существование невидимого эфира вокруг нас. Эти нигилисты не желают испробовать учение йогов на себе. Они исходят из единственного постулата – «если я этого не вижу и не могу потрогать, значит, этого нет». Но это тупиковый путь в познании. Разве кто-то видел радиоволны до создания радиоприемника? Разве кто-то видел магнитное поле у магнита? А сейчас люди уже приняли это как данность, не задумываясь над сутью происходящего.

Забавно было бы посмотреть на юношей со стороны: практически все они были просто ошеломлены речью мастера. Не надо забывать о том, кем они были до входа в этот храм Йоги – простые деревенские мальчишки, которых долго отбирали в различных приютах Индии. За ними наблюдали многие годы и отобрали лучших по способностям и ответственности. Они должны стать частью отлаженного механизма информационного управления миром.

Но в эту тайну не был посвящен даже Мастер. Он – лучший в своем познании возможностей йоги и ему поручено обучить мальчиков мастерству гипноза, левитации, невидимости, общения друг с другом на больших расстояниях посредством собственного мозга, таинству реинкарнации душ и их использования в мире людей, энергетическому воздействию на врагов и на друзей.

– Ну, и в завершении своей беседы, я хотел бы укрепить вас в вашей вере в возможности человека, – с этими словами, сидящий в позе лотоса Мастер оторвался от циновки и стал медленно подниматься вверх. На его лице блуждала улыбка, глаза были полузакрыты... Поднявшись примерно на метр над поверхностью пола, Учитель приоткрыл глаза и подняв руки перед собой ладонями вниз, как бы благословил новичков йоги на пути к самосовершенствованию.

Во время этого священнодействия в зале царил полнейшая тишина, молодые люди сидели с широко открытыми глазами, словно впитывая потоки чистой золотой энергии, исходящие от посвященного. Просто сказать, что они были поражены – это не сказать ничего.

Амрит сидел недвижимо: он просто остолбенел от того, что увидел. Он даже не предполагал, что такие волшебства могут стать подвластными и ему. Демонстрация полета или левитации, как говорят йоги, очевидцем которой он стал, укрепило его в страстном желании достичь высот в искусстве владения своим телом и разумом.

Много воды утекло с тех пор, но Амрит, навсегда запомнил имя своего учителя, Гуру Свами Кришнаада, который, несомненно, раскрыл перед ним возможности и таланты человека, а также секреты окружающего нас мира, о которых многие из нас даже не подозревают. И, что греха таить, человек устроен так, что все «волшебные» возможности он хочет получить тут же, сразу, как говорится, «не отходя от кассы». Не получив эти «подарки» сразу же, большинство обывателей бросают эти сиюминутные увлечения, как надоевшую игрушку.

И лишь единицы понимают, что мастерство всегда дается трудно, тяжело, иногда мучительно, через преодоление себя и неизбежных трудностей. Но трудности на этом тернистом пути сторицей искупают себя: полученные знания и способности дают власть над собой и людьми.

Амрит вошел в храм познания мальчиком 14-ти лет, вышел же из него девятнадцатилетним юношей.

На регулярных личных встречах с каждым из того набора, Мастер беседовал с ними, тестировал уровень их знаний и практических умений. Удостоился таких встреч и Амрит.

– Помнишь ли ты, сын мой, как я год назад обозначил пред вами возможность йога левитировать?

– Конечно, учитель, – в знак уважения склонил голову Амрит.

– А зачем я это сделал, как ты думаешь? – поинтересовался мастер.

Амрит задержался с ответом, и только он пожелал ответить и открыл рот, как мастер остановил его:

– Совсем не поэтому, как ты предполагаешь, – лукаво улыбнувшись краешком рта, сообщил Гуру. – Я хотел укрепить вас, юных и неопытных, в вашем выборе, вернее сказать, в правильности вашего выбора. Я возбудил в вас желание и стремление достичь практически несбыточного. А теперь я скажу твои слова, с которыми ты задержался: ты хотел сказать, что я хотел вас удивить...

Юноша в изумлении приоткрыл рот и в удивлении поднял брови: это были его произнесенные слова.

– Не удивляйся, мой дорогой Амрит – не ты первый, не ты последний. За последний год ты познал и испытал много интересного. Наверно, ты уже понял, что все так называемые чудеса имеют под собой ясную и понятную основу. Надеюсь, что вероучение Кришны и многовековой опыт йогов дали тебе четкий и ясный ответ на почти все вопросы? – спросил Гуру.

– Да, Мастер, я многое познал и только теперь осознаю, что это только тысячная часть того, что я буду еще в силах познать и чему научиться. Коль вы спросили меня о левитации, но никто до сих пор мне это не объяснил, я прошу хотя бы намеком обозначить основу этого искусства, меня точит червь познания и хотелось бы утолить его голод.

– Да ничего особенно сложного в этом нет. Сейчас я все объясню. За время пребывания в ашраме ты уже узнал о бесконечном мире энергии вокруг нас. Мы учим тебя понимать ее суть и способы использования этой энергии – праны, в своих интересах. Как ты уже понял, иногда видимый материальный мир, исходя из официальных научных познаний, не всегда соответствует его энергетическому проявлению. Йоги же рассматривают мир во всем его многообразии и энергетическом взаимопроникновении.

– Возвращаясь к левитации я объясню ее эффект простым примером. Видел ли ты в жизни взаимодействие двух магнитов?

– Да, мастер, – кивнул Амрит.

– В соответствии с законами физики различные полюса магнитов притягиваются, а одинаковые – отталкиваются. А что же такое левитация? Это использование энергии космоса для преодоления земного притяжения, то есть гравитации. А именно – создание такого полюса взаимодействия с землей, который называется – антигравитационным. Таким образом, тело йога с приобретением противоположного знака будет парить в воздухе над землей на вполне научных основаниях, – улыбнулся Мастер.

– Ну, а осуществление этого на практике – дело времени, – загадочно улыбнувшись, закончил беседу Гуру.

Глава 9. Василий: встреча с реальностью

*Ребенок – гость в твоём доме.
Накорми, выучи и отпусти.*

Индийский эпос

Василий никак не мог примириться, а тем более понять – что же случилось, как это стало возможным. По своему складу характера он был реалистом, практиком и не витал в облаках, как его невеста. По крайней мере, он так думал.

Но то, что находится не в больнице, он уже понял, но никак не мог осознать своего положения: он не мог говорить, при любой попытке разговора он отдаленно слышал плач младенца. Кормили его из бутылочки, в чем он ничего странного не видел – такое бывало в его практике лечения после аварий. Координация движений отсутствовала как таковая – не действовали ни руки, ни ноги. Изредка приходила медсестра, неизменно улыбаясь, она делала Василию «козу» и говорила в очередной раз – «Ути-Пути», затем меняла белье и уходила. Женщина рядом называла его Петенькой и как ни странно, самостоятельно поднимала его тело к себе вверх и носила Василия с собой, время от времени чмокая его в щеки и лоб, неприятно обрызгивая его капельками слюны. Василий пытался возражать, на что женщина радостно смеялась и качала тело Василия в разные стороны.

Было, конечно подозрение, но Василий не мог этого принять. Ну не мог неверующий поверить в это. Не мог.

Наконец, наступала ночь, и Василий мог побыть в одиночестве. И вот на второй день, после того как он очнулся после аварии, ранним утром, судя по предзакатному свету из незанавешенных окон, он вдруг ощутил импульс, темно красную точку на своём внутреннем экране. Он понял – это учитель йоги Амрит Сингх приглашает его к разговору. Чудесным образом все это происходило в безмолвии, Василий просто ощущал слова и так же мысленно отвечал на них.

– Василий? – решил убедиться в истинности собеседника Амрит. (Медленно гаснущая фиолетовая точка – вопрос)

– Да, это я, учитель, – можно было бы сказать, слабым голосом ответил Василий, хотя если выразиться более правильно – энергетически слабо. (Зеленая точка – ответ)

– Поздравляю с возвращением! – пришло сообщение, – Ты вернулся к жизни. А вернее, не ты, а твоя душа. Она стала совершенной. У тебя великолепное будущее. (Мигающая зеленая точка – конец смысловой части)

– Не понял, как душа... к жизни... вернулась... Она, что – может жить без тела? – удивился Василий. (Яркая красная точка, крайняя степень возбуждения – вопрос).

– Василий, душа без тела может жить, но недолго. И твоя душа вернулась в тело. Но не в твое. (Зеленая точка – ответ)

– Кк-к-ак, не в мое тело?!!! А в чье тело? Что вы придумываете, что это за фантазии?!! – Василий все уже понял, но не мог смириться. (Яркая красная точка, крайняя степень возбуждения – реакция).

– Год назад Василий Свешников погиб в аварии во время гонки на автодроме в Сочи, тело предано земле на одном из кладбищ Москвы. А вот твоя душа пережила инкарнацию и теперь составляет практически одно целое с новорожденным. – Амрит помолчал, ожидая реакции.

Реакции не было. Василий, или его душа, был сражен этим известием. Как говорят в таком случае – пал духом, если это вообще возможно в данной ситуации.

– Я понимаю, ты шокирован. Но прими это стоически – это неизбежность и изменить ее нельзя. Я буду всегда на связи и тебя поддержу, но сейчас моя медитация заканчивается. Продолжим завтра, в это же время. До связи. (Синяя, медленно угасающая точка – конец связи).

Василий разрыдался, содрогаясь всем своим (или не своим) тельцем. Он стонал и всхлипывал, слезы лились из его глаз, он плакал и причитал:

– Как же так, это невозможно... Неужели ничего не исправить... Верните меня обратно...

Младенец двух дней отроду, находившийся в палате № 15 Родильного дома № 7 Новосибирска, громко плакал, его покрасневшее личико выражало крайнюю степень горя, слезки катились по щечкам, из беззубого рта доносилось детское уа-уа-уа...

Наклонившаяся к нему мать, проверила подгузник:

– Обкакался, сынок? Ну, ничего, не плачь, мамка рядом, сейчас переоденем в сухое.

Сергей Васильевич Манохин изволили отдыхать. Культурно отдыхать. Дома отдыхать – чай не господы – по ресторанам мотаться, да и финансы, не сказать, чтобы пели романсы, а так – мурлыкали чего то там, намякивая на обнуление.

А вот уж где он отдыхал после отдыха – знамо где: на родной кухоньке, аккуратно положив личико в мягкий салат, купленный накануне в местном магазинчике. Майонез нежно увлажнял кожу, от него же волосы становились шелковистыми и жирными. Ну да ладно – не बारे, так сойдет.

Отрыв лица от салата произошел около шести утра, когда весь честной народ сибирской столицы – города Новосибирска, спешил уже зайти в туалет, опередив других членов семьи. Вот и Сергея Васильевича не обошла сия участь. Его разбудили не летающие крысы (так горожане называют голубей) – его разбудил свой внутренний будильник, а вернее давление в нем, грозящее неминуемым позором в случае чего, ежели не так пойдет... то держись!

Решение пришло быстро: две широких, как лопаты, ладони взметнулись вверх и уперлись в столешницу: начался подвиг, никому не видимый, но подвиг – пошел счет первой попытке отрыва лица от салата. Попытка была не засчитана – испытатель тяжело вздыхал и левой ноздрей пытался выдуть майонезные пузыри... Вторая попытка увенчалась успехом: Сергей Васильевич, подняв голову над полем битвы, тьфу, нет – над столом с яствами – и открыв свои не очень ясные, с белками в красных прожилках очи, оглядел окрестности. В квартире, как водится, уже никого не было, о гостях напоминала лишь набитая окурками пепельница, грязная посуда и потухшая «беломорина» в открытой банке со шпротами. Но сейчас было не до угощений: туалет молчаливо ожидал хозяина. Интимный акт завершился успешно.

Открыв дверь туалета, Сергей Васильевич попытался вспомнить повод для пиршества. Голова была чугунной, думала со скрипом и наконец, в итоге он осознал – три дня назад он стал отцом, у него родился сын Петенька. Вторая мысль вергла Сергея Васильевича в ужас – сегодня он должен забрать жену с ребенком из роддома, после двух часов. А в квартире, эхма, царил разгром и никто, кроме него, навести порядок не сможет.

Пауза длилась недолго. Метнувшись на кухню, Сергей Васильевич стал восстанавливать порядок и чистоту на кухоньке и окружающих ее окрестностях, пакет с весело бренчавшими пустыми бутылками стремительно, с грохотом понесся вниз по мусоропроводу. Отмеченное абстинентным синдромом лицо Сергея Васильевича покрылось испариной, сивушное дыхание явно не доставило бы удовольствия тому, кто его ощутил бы: но рядом никого не было.

Подвиг продолжался часов до одиннадцати. Взмокшая от пота серая майка под нельзя как подходящим названием «алкоголичка», семейные трусы в цветочек и тапочки на босу ногу на нашем герое соответствовали моменту перекура. Отерев лоб грязноватым кухонным полотенцем лоб, Сергей Васильевич сел на деревянный коричневый табурет, заскорузлыми пальцами достал «беломорину» из пачки, постучал ее бумажным мундштуком по пачке. Вовремя поднесенный огонек спички дал начало процессу горячей возгонки табака, а именно – табакокурения: сизый дымок папироски стлался по кухоньке и медленно вытекал в открытую форточку.

– Хорошо, что сегодня суббота, – подумалось Сергею Васильевичу, – а то в будний день я не смог бы навести порядок ...

Сергей Васильевич работал системным администратором в одном из отделов Сибирского отделения Российской академии наук, правда, окружающие называли его просто – компьютерщик. Было ему от роду 27 лет. Женат.

Не сказать, конечно, что его работа была непыльная – пыльная, да еще и какая: те, кто хоть однажды сталкивался с открытым системным блоком компьютера, всё поймут без расшифровки. Не чуждый системе самосовершенствования, Сергей Васильевич самостоятельно изучал языки программирования, поскольку не считал нужным пребывать в качестве полезного овоща на работе: «подай, принеси – иди нафиг». Надо было думать о повышении своего статуса, да и удаленную работу никто еще не отменял.

Ровно в 14.30 Сергей стоял в вестибюле новосибирского роддома № 7, что на улице Героев Революции 4, в руках у него был традиционный букет из пяти хризантем и торт для акушерки.

Минут через пять дверь отворилась. Сначала в поле зрения новоиспечённого отца попал сверток, как сразу ему подумалось, а потом он понял: это руки его возлюбленной Лидочки несут их первенца – Петеньку. Молодой мамаше было 23 года от роду, она была хороша собой, румяна и белокожа, русые волосы стягивала резинка на затылке, была она одета в цветастенькое платье, на ногах были босоножки: лето в Новосибирске выдалось жарким.

Следом за Лидой вышла медсестра: получив свой законный торт, она улыбнулась и ушла обратно.

Раскрасневшись от счастья, Лида подплыла к протянувшему к ней руки мужу:

– Ну, здравствуй, моя дорогая! – с этими словами Сергей чмокнул жену в щечку и забрал себе сверток.

– Тс-с-с! Он еще спит, – прошептала Лида, – пойдем уже домой, пора.

Сергей повернулся к выходу и всё же не утерпел и поднял-таки клапан над красненьким личиком наследника и оторопел: его встретил внимательный немигающий взгляд ребенка, а затем один его глаз явно подмигнул Сергею Васильевичу, а маленький ротик покосился в кривой улыбке.

– Т-т-ты, видела? – заикаясь, спросил молодой отец.

– Я же тебе сказала, – прошептала Лида, – не буди ребенка, а что? – заглянула она под клапан.

– Спит же он, не видишь, что ли?

– Да нет, ничего, – пробормотал ошарашенный отец, – наверно показалось, – буркнул он себе под нос.

– Надо, наверное, с водкой завязывать, – почему то подумалось Сергею Васильевичу.

Они спустились вниз, к поджидавшему их такси. Водитель, открывая дверь, расплылся в улыбке:

– Мальчик, девочка?

– Петенька, – с гордостью отчеканила Лида.

– Куда везти то?

– Да тут недалеко: улица Маяковского, дом 9, второй подъезд.

– А этаж, какой? – сыронизировал таксист и, встретив молчание, закончил диалог:

– Пристегнитесь.

Глава 10. Амрит: встреча с душой

*Чтобы управлять собой,
используй свою голову.
Чтобы обращаться с другими,
используй свое сердце.*

Индийский эпос

В Москве наступил вечер – теплый летний московский вечер. Шторы на раскрытых окнах йога-центра «Путь духовного совершенствования» практически не двигались – царил полный штиль. Где-то вдалеке был слышен приглушенный гул транспорта, но он не мешал сосредоточению.

Амрит готовил отчет в Центр о проделанной работе и полученной им информации.

Каждый, вновь пришедший в Центр новичок, в обязательном порядке встречался с директором. В обязательном порядке Амрит проводил с ними собеседование и инструктаж о правилах пребывания в здании и на занятиях.

Весь процесс беседы со стороны выглядел совершенно естественным, обыденным. Но только лишь со стороны. Испушенный в практиках ясновидения, медитации и при хорошо развитом внутреннем зрении, Амрит без особых трудностей мог увидеть степень ценности души сидящего перед ним человека. В большинстве случаев это были вновь рожденные души, где-то чистые, где-то не очень, где-то покрытые желтыми грязноватыми потеками корысти и стяжательства, бывали и души со светло-зеленым светом подвижничества и бескорыстия.

Встречал он и уже однажды прошедшие реинкарнацию души с бронзоватым оттенком, но это было нечасто. Еще с большей редкостью ему попадались души с серебряным тембром свечения – это были наполовину совершенные души. Про их обладателей, даже не зная эзотерических тонкостей, их окружение всегда говорило, что это легкие, светлые и талантливые люди, руководители и изобретатели с харизмой. От них всегда шла энергия и свет. Вот человеком с такой душой и оказался Василий Свешников.

Амрит был очень обрадован такой встрече, это явление было равноценно глотку чистой воды в океане грязи. И судьба Свешникова была предрешена, его душа, чтобы стать совершенной, должна была перейти через еще одну реинкарнацию. Душа Василия Свешникова должна была возродиться в другом теле и стать совершенной.

А для совершенной души практически нет пределов возможностей в развитии и познании. Амрит это знал, потому что жил с совершенной душой.

Люди со вновь рожденными душами никакой ценности не несли, поскольку информации о предыдущей жизни не имели. Единожды инкарнированные души уже были интересны: их носители учитывались, и с ними велась тщательная работа: во время сеансов медитации применялись особые методики введения человека в транс с целью получения информации о предыдущей жизни.

В первую очередь по важности определялось:

1. Откуда пришла душа – из прошлого или будущего.
2. Где географически жила душа.
3. Чем занимался носитель души до реинкарнации.

Эти данные классифицировались и сохранялись для дальнейшей работы.

Кто владеет информацией – тот владеет миром.

Информация из будущего всегда ценилась дорого. Получать ее было очень трудно, но тем то она и была ценна, потому как постоянный доступ ней имели немногие. Только те, кто мог оплатить непомерные расценки, но заработать на использовании этих сведений еще больше.

Здание Центра было оборудовано сигнализацией и видеонаблюдением, охранялось круглосуточно, на первом этаже находился пост дежурного. И это было известно всем посетителям и работникам Центра.

Но существовала и другая охрана, контроль над которой осуществлял сам Амрит, а в его отсутствие – заместитель, один из выпускников Ашрама Свами Шивананда, индеец. Его звали – Джиотиш Шетти. В отличие от Амрита, Джиотиш принадлежал к касте торговцев и по статусу был ниже Амрита. Понимая это, заместитель всегда был выдержан и почтителен, предупредителен, но вел себя без излишнего подобострастия.

Изначально, по прибытии на службу в Москву десять лет назад, Амрит поставил свои личные заклинания на общий контур здания, на все окна и двери в отдельности. Каждая попытка проникновения становилась известной ему еще до подхода потенциального нарушителя к тому или иному месту снаружи. Полученное ментальное извещение Амрит тут же адресовал охране, которая неоднократно пресекала попытки проникновения.

Служба охраны представляла собой частное предприятие и подобные извещения, которые всегда были обоснованными, удивляли охранников: они не могли понять – каким образом директор Центра узнавал о возможном проникновении. Поскольку выяснить эти возможности Амрита было невозможно, они смирились и уже принимали это как должное.

А поначалу, дежуривший в здании охранник, получив телефонный звонок от своего босса о готовящемся нарушении, отмахнулся, посчитав тревогу ложной. И зря: сработала сигнализация, и разгильдяй был уволен. Директор Центра не прощал игнорирования своих указаний.

Амрит сидел за своим столом. В кабинете царил полумрак, верхний свет был выключен, слева на столе горела лампа с простой лампой накаливания. Ее теплый свет отражался от настольного стекла, лежащего на зеленом сукне столешницы. Перед директором лежал блокнот с перекидными листами, на нем ждала хозяина чернильная ручка с золотым пером (подарок одного из благодарных клиентов). Чай с долькой лимона в хрустальном стакане, стоящем в изящном серебряном подстаканнике, давно остыл, но Амрит не обращал на это внимания – он предавался размышлениям.

Самое главное – нашелся его потенциальный сменщик... Да-а-да, именно сменщик, потому как Амрит не собирался всю жизнь работать в Москве, он планировал сделать карьеру в корпорации «Вера». А для того, чтобы это сбылось, нужно было найти подходящую кандидатуру, воспитать, обучить и проверить, что из этого получилось: знаете ли, информация это очень тонкая вещь, с ней необходимо обращаться умело, не приведи Брахма, если она попадет в злые руки. Негативные последствия обеспечены.

Конечно, слово «нашелся» – это немного неправильное определение. Душа Свешникова прошла реинкарнацию и сейчас пребывает в теле младенца, это понятно. Но непонятно другое – в каком городе, поселке, деревне или где еще искать этого младенца. Вот в чем проблема. Мало того, что месячный младенец естественно, недееспособен, но и душа Свешникова тоже не знает территории своего пребывания.

– Возможно, во время медитативных сеансов я смогу направить его деятельность в нужное русло. – силится заглянуть в будущее инициатор нового существования Василия.

Размышления, конечно, размышлениями, но Амрит сейчас находился в необычной ситуации: этот случай был у него первым, и он знал только теорию действий и не был до конца уверен, что эта теория является работающей.

Оторвав взгляд от стеклянного шарика на подставке, Амрит отпил холодного чая, отметив его аромат даже в холодном состоянии.

– Мне нужен совет практика, на этом пути нельзя совершить непоправимую ошибку – на кону стоит и совершенная душа, и мое развитие как специалиста, эксперта и руководителя более высокого уровня, – решил Амрит.

Напротив Амрита в полумраке качали маятником часы в деревянном корпусе, маленькая стрелка указывала на цифру VIII, а большая стрелка стояла на цифре I: 20.05 – отметил про себя Амрит, надо позвонить Наташе, своей благоверной – она ждет звонка. А ведь сама никогда не позвонит – горячка, – улыбнулся он.

Глава 11. Наташа и Амрит: первая встреча

*Можно поймать тигра в чаще,
птицу в небесах, рыбу в пучине вод,
но нельзя поймать непостоянное
сердце женщины.*

Индийский эпос

Наташа пришла в Центр йоги семь лет назад. В то время Амрит жил в Москве уже три года и вполне освоился: его уютная трехкомнатная квартира находилась в десяти минутах пешей прогулки, да и служебный автомобиль был всегда в его распоряжении. По счастливой для Наташи случайности, его сердце было свободно.

На первом же вечернем занятии, где он присутствовал в качестве наблюдателя, молодой директор обратил внимание на стройную русоволосую девушку лет двадцати пяти. Ее стройные ножки в облегающих лосинах, небольшая грудь в топике и милые черты симпатичного лица как раз соответствовали представлениям Амрита о славянской красоте женщин России. Все необходимые упражнения она делала правильно, но была излишне скованной и закрепощенной в движениях.

– Вы в первый раз на занятии? – подошел к ней индиец.

– А почему Вы так решили? – несколько смущенно улыбнулась девушка. – Я, это..., стараюсь сделать все правильно.

– Просто Вы не расслабились, попробуйте асану – «лужа», поддержал ее Амрит, хотя таких асан в йоге не существует, про себя подумал он. Есть Шавасана – или Поза Труп

– Это как?

– Лягте на пол, закройте глаза и представьте, что Вы лужа и растекаетесь по полу.

Глядя на ее точеную фигурку на полу, Амрит понял – его тянет к этой девушке. Он даже не понял сразу – почему тянет, просто нравится она ему. А зачем объяснять то, что и так понятно.

Минут через пять Амрит помог ей подняться:

– А как Вас маменька с папенькой нарекли? – спросил он, и сам удивился сказанному, засмеявшись.

– Да просто нарекли – Наташа я, – взглянула девушка в глаза тренера, и сердце ее чуть не выскочило из груди.

– Можно я продолжу занятия? – выдохнула она.

– Да, да, конечно, – потеряв лоб левой рукой, потерянно сказал Амрит, повернулся и вышел из зала.

Он всегда старался быть бесстрастным, но не в этом случае. Он не мог не думать о ней и решил для начала выяснить, кто она такая. В базе данных клиентов она значилась как Наталья Станиславовна Селиверстова, 24 лет от роду, маркетолог в одном из супермаркетов Москвы. Графы адрес в базе данных не было, так же как и семейного положения. По какой-то причине была указана дата рождения и ее сотовый телефон, но Амрит посчитал нетактичным использовать свое служебное положение, и решил лично при случае узнать: можно ли будет ей позвонить или нет.

Бархатистый, обволакивающий голос Амрита, его теплая расслабляющая энергия заставили поволноваться Наташу. Она была очарована этим мужчиной, его обходительные манеры, приятный акцент, вкупе с правильными чертами лица и телосложения ей импонировали.

Наталья стояла в душе после тренировки, теплые струи воды лились сплошным потоком по ее телу, она, задумчиво намылив пластиковую губку, пыталась сообразить: а что это было

там, в зале. Что-то для нее непонятное, но приятно возбуждающее, рождающее разные интересные картинки и мечтания.

– Ирка, – обратилась она к соседке в другом душевом отсеке, – а кто это ко мне подходил на занятиях?

За шумом текущей воды соседка ничего не услышала, и Наташе пришлось заглянуть за перегородку и еще раз повторить ей вопрос.

– А-а-а, это директор Центра Амрит. Он индус и ва-аще интересный мушщина, денежный, – цокнула языком Ирка, намыливая свою шикарную грудь. – Наверно и «Камасутру» знает. А чо, Наташка, – давай, закадри его, такие мужики на дороге не валяются.

– Да ладно, Ирка, перестань, я просто так спросила, – начала отнекиваться Наташа.

– Ну-ну, Наташка, видала я, как ты на него смотрела, расскажи это кому другому. Бери его за рога, он вроде холост. По крайней мере, я его ни разу с женщиной не видала, может – голубой, – захихикала Ирка.

– Да иди ты, со своими советами, сама соображу, что мне делать, – беззлобно отшила ее Наташка.

На следующее занятие Наталья пришла во всеоружии – наложен макияж, но в меру, надеты симпатичные лосины, топик, подчеркивающий и без того красивую грудь. Или, как говорят в армии – она была к бою готова!

Но он не появился, ни на этом, ни на следующем занятии, ни через неделю. Наталья ходила хмурая, жила в расстроенных чувствах, жизнь была не мила... А что еще оставалось делать? Только ждать, надеяться и верить. Она была даже обижена на него – как так, вроде бы дал надежду на развитие отношений, а сам? А сам – исчез без предупреждения... Разлюбил уже... Так быстро?! Подлый негодник. Вот уж – встречу я его, да как дам отповедь, дабы неповадно было так поступать. И вообще стану недотрогой – пусть помучается, изменщик коварный. Так размышляла расстроенная Наталья и тайно ждала встречи, не признаваясь даже себе самой в этом.

Полторы недели спустя она стояла возле гардероба и снимала легкий плащик, надетый по случаю несвоевременного похолодания и вдруг за спиной услышала мужской голос, с легким иностранным акцентом сказавший:

– Наташа, это Вы?..

Вихрь мыслей пронесся в бедной голове девушки – дать отлуп? – или повернуться, улыбнуться и тоже дать отлуп?.. Но пока она думала, ее тело самопроизвольно повернулось к Амриту (это был он) и губы невольно сложились в приветливую улыбку, глаза заблестели, и приятное мягкое тепло окутало девушку – он! Он здесь – и это чертовски приятно...

– Да, это я, Вы не ошиблись. И да, в прошлый раз Вы не представились, нехорошо, нехорошо, – проворковала Наташа, погрозив Амриту изящным пальчиком.

Как ни был взбудоражен Амрит, он нашел в себе силы не выдать свою радость и скромно с полупоклоном представился:

– Амрит, Амрит Сингх, директор оздоровительного Центра Йоги. Вы наверно потеряли меня, Наташа? Я отсутствовал, был в отъезде по делам работы, – извините.

– Да что Вы, я занималась своими делами, не надо извиняться, никого я не теряла, – пробормотала девушка, подумав – попался, голубчик!

– И да, мне надо идти, скоро начнутся занятия, опаздывать нехорошо, – завершила разговор Наталья.

– Да, да, конечно. Но у меня к Вам вопрос – не могли бы Вы зайти ко мне после занятий, я буду ждать Вас. Спросите у тренера, он Вам подскажет, где меня найти. Желаю Вам хороших занятий. До встречи.

На том они и расстались.

Глава 12. Манохины: Свешников и семья

Через медитацию постигается безграничное.

Познавший безграничное обретает счастье.

В малом счастья нет.

Упанишадъ

Был вечер субботы. Новорожденный Петенька – отрада семьи Сергея и Лиды Манохиных, был накормлен, одет в чистое и сладко посапывал в своей кровати. Счастливая мама Лида в это время занималась прозаичным делом – считала количество чистых и сухих пеленок, распашонок, ну и оставшихся в живых подгузников. Пользованные кидала в стирку, сухие – гладила. Готовить молочные смеси было не надо – молочко было свое.

Ощувив за спиной привычный запах мужниного одеколona, Лида ощутила на правой груди горячую руку Сергея:

– Сережа, не балуй, рано еще, нельзя мне. Потерпи, милый, – Лида с улыбкой повернулась к Сергею и поцеловала мужа в раскрасневшуюся щеку.

– Лидочка, да я же ... Все понимаю, люблю я тебя, вот так ..., – вполголоса пробормотал Сергей.

– Я, это... картошечки пожарил, колбаски нарезал, салатик настругал, винца поставил – пойдем ужинать.

– Ну, пойдем, – молодая мама нагнулась над Петенькой, проверила подгузник – все было сухо, повернулась и пошла за мужем на кухню.

Свешников внутри младенца, нет, неправильно, душа Свешникова в это время была в смятении: что теперь делать, чего ждать, как поступать. Хотя, собственно, что он мог сделать в своем положении – ничего. Он не был хозяином положения и ему позарез нужен был контакт с Амритом, но был вечер субботы, а очередной «сеанс» связи мог состояться только завтра утром в период между четырьмя и пятью утра ... по Москве – вдруг пришла ему мысль. А почему по Москве, т.е. московскому времени, Свешников не понял. Да и зачем ему это надо было понимать, если он никак не мог оценить временные рамки своего положения. Он мог только слышать, что говорят его родители... Родители?! Как же так, Василий никак не мог свыкнуться с этим состоянием, ну не мог. Ведь в его представлении, с момента аварии до того, как он очнулся, прошло не более суток. Еще за день до того он сидел за рулем своего болида, участвовал в гонке, предвкушал встречу со Светкой и вот – на тебе, получите и распишитесь.

Ну, хорошо, он хотя бы осознает себя существующим, что не совсем уже плохо. А дальше то, что будет – ведь младенец вырастет, а куда денусь я, – думал Свешников, – исчезну?

А вот еще интересная ситуация – я вот нахожусь, (буду так называть свою душу одним местоимением – Я) в теле младенца. А могу ли я как то повлиять, будучи даже отсеченным от управления телом? Например, глаза открыть и закрыть, или там, покричать по-младенчески (хе-хе, вот это абсурд! Дожил! Хотя, нет... Не дожил, возродился (!) в другом теле.)

Хотя... Я же смог подмигнуть «своему папаньке» при выходе из роддома, когда он решил взглянуть на сыночка. Вот он удивился – в его глазах я увидел страх пополам с удивлением. Нет, не буду так больше проказничать, хотя... Чем черт не шутит, времени у меня много, надо же чем-то заняться.

В таких размышлениях Свешников провел незнамо сколько времени: на часы-то не посмотришь. И как только он дошел до воспоминаний о Светке – его опять охватила горечь и боль утраты, да настолько сильная, что слезы градом покатались по его младенческим крас-

леньким щечкам, беззубый ротик разевался в младенческом крике. Он никак не мог остановиться, поскольку осознал невозможность возврата назад.

Счастливый отец на кухне выдохнул и опрокинул третью рюмашку беленькой, водочка побежала по пищеводу, загрекла в желудке, вслед за ней последовал соленый огурчик и зеленый лучок – ему было хорошо. Лидия не пила, и увлечение мужа «зеленым змием» не поддерживала:

– Сережа, еще одну – и хватит. Не увлекайся.

– Да ладно, Лидочка, я же немножко выпил, – виновато взглянул на подругу жизни Сергей. И встретив молчание, подчинился:

– Не, не – я всё, еще одну и больше не буду, подчиняюсь.

Из комнаты донесся писк младенца – Лида быстро встала и ушла.

Следующие движения Сергея были быстрыми и отточенными, словно он тренировал их годами. А может быть, так оно и было.

Левая рука подняла стопку, правая – налила водки. Левая рука немедленно поднесла водку к ротовому отверстию и вылила ее туда, кадык дернулся и пропихнул жидкость дальше по назначению, одновременно с этим первая операция была повторена еще раз. Но на этот раз рюмка осталась на столе, а закуска с тарелки стала медленно перекечевывать в желудок. Взгляд обрел расфокусированность и некую мягкость. Сергею – захорошело.

Сквозь влагу слез, заставших глаза младенца, Свешников увидел женское лицо, склонившееся над ним, ощутил, как женщина поднимает «его» тельце вверх и прижимает к теплой груди: губы невольно приникли к источнику жизни – к женской груди – и привычно заработали. Питание поступало исправно:

– Вот и хорошо, Петенька, проголодался, милый. Ну, кушай, кушай: вырастешь – будешь большой, как папка.

Теплая грудь, молоко и ритмичные монотонные покачивания сыграли свою роль: Свешников спустя некоторое время постепенно успокоился и понял, что надо принять эту данность и жить с ней дальше. Другого пути просто не было.

Ты все время лежишь на спине и изредка смотришь в потолок, потом тебя переворачивают «на правый бочок» и ты смотришь иногда вбок и видишь противоположную стену, завешенную ковром. Около стены, под ковром находилось супружеское ложе, видимо, на котором был зачат Петенька. С левой стороны находились просто блеклые сиреневенькие обои в невнятный цветочек. Короче говоря, времени для раздумий было предостаточно. Иногда я мог и развлекаться, наблюдая экстремальные эротические игры супругов. Мог бы плюнуть, да не могу. Тьфу – это было противно наблюдать. Это вам не порнуха – это хуже. В это время я предпочитал закрывать глаза и предаваться воспоминаниям о прошлом или мечтать о возможном будущем. Хотя... какое там, мечтать – там была неизвестность.

Иногда я вредничал во время «процесса» – громко плакал, писался, какался. Бедный папашка, отосланный мамкой, соскакивал в разгар процесса и с «орудием преступления» наперевес мчался ко мне – щупать пеленки... Я внутри себя ржал в голос, а по-младенчески – укал, плакал. А вот схватить его за конец я не мог – был, сука, запелёнат, как узник.

А один раз я даже подмигнул папашке и хмыкнул: надо было видеть его вылезшие из орбит глаза и «член его опавший». После этого мелкого хулиганства был наказан передвижением кроватки в другое место без возможности просмотра эротики. Смирился, но не сдался.

На связь со мной Амрит вышел на второй день с момента моего появления в доме «моих» родителей. Было утро, за жидкими занавесками чуть пробивался серый рассвет, за распахнутым окном стояла предрассветная тишина. Не чирикали даже птицы. А я что? Мне сон был не нужен. «Мое» тело спало на спине, посапывало носиком – ему было тепло в обоссанных пеленках, прикрытых одеяльцем. Я ничего не предпринимал – пусть «мои родители» выспятся: им, как всегда, предстоял трудный день. Из их вчерашнего разговора я понял: завтра придет

вся родня. И будет все: и «ути-пути», и «ух ты, какой мальчик, весь в папку (вариации – весь в мамку тоже присутствовали)», «ах, какие ручки, все в перевязочках», и прочая дребедень. Бывший пилот Формулы-1 Свешников уже был настроен отрицательно к этой кунсткамере, но состоял в статусе пленного и связан возможностями поведения младенца.

– Здравствуй, Василий, как ты себя чувствуешь? Извини, возможно, вопрос некорректен, может быть – ощущаешь? (Медленно гаснущая фиолетовая точка – вопрос)

– Здравствуйте, Учитель! Рад ощущать Ваш импульс, он такой теплый, немного красноватый, как остывающие угольки в костре или камине. Мне не хватало Вас – общение катастрофически отсутствует, аж поговорить не с кем – не поймут (улыбается). Я очень жду от Вас, Учитель, информации о том, что будет со мной в последующем, что я могу сделать и чем Вы сможете мне помочь в этой ситуации. (Зеленая точка – ответ)

– Дорогой Василий! Излагаю информацию по степени ее важности.

– Ощущать себя как отдельная душа от тела, примерно как сейчас, ты сможешь до тех пор, пока мальчик не начнет разговаривать. После этого мы с тобой сможем общаться только во время сна мальчика. Для него это неопасно: он ничего не будет помнить, но информация останется у него в подсознании. Это способ влиять на его действия в тех или иных случаях. Надо помогать мальчику: учить его действовать правильно в кризисных ситуациях. Постепенно твоя душа сольется с телом полностью, и ты станешь им. Но твоя прошлая память и опыт жизни будут полностью заблокированы, когда ты будешь бодрствовать.

– Но даже в этом состоянии – как душа Василия Свешникова – ты сможешь связываться со мной в то время, когда Петр спит. Эта информация может прорываться в его сознание, как сновидения, и таким образом ты сможешь постепенно помогать ему в выборе нужного решения. (Мигающая Зеленая точка – конец смысловой части).

– Учитель, я готов выполнять Ваши рекомендации, но хотел бы прояснить несколько вопросов. И первый из них – почему именно я избран для общения с Вами, находясь в таком подвешенном состоянии? (Яркая красная точка, крайняя степень возбуждения – вопрос).

– И второй вопрос – раскройте мне мою миссию в этой «новой» жизни, я пока не могу понять цель своего существования сейчас. (Умеренно красная точка, успокоение – вопрос).

– Раскрою тебе тайну, доступную только высокоразвитым людям (конечно, это не абсолютное понятие, это термин из буддистского учения). Два года назад, когда ты впервые пришел ко мне вместе со Светланой, я был приятно поражен, что встретил человека с душой, находящейся лишь в одном шаге от совершенства. Объясню. Сам человек с его характером, поведением, привычками, культурным и физическим развитием совсем не одно и то же, что его душа. Можно обладать совершенной душой, что, несомненно, наложит благородный отпечаток на свойства тела и характера индивидуума. Но это не означает автоматического развития личности, особенно, если человек не осознал своей миссии и цели в жизни.

Определить человека с первичной душой, допустим, перешедшей при рождении от какого-либо животного, растения или камня, или скалы (да-да, камня, они обладают своего рода прото-душой) совсем не трудно – на протяжении всей жизни он ведет себя легко и поверхностно, поступает необдуманно и опрометчиво, словно ребенок. Жизнь его ничему не учит, поскольку он не способен к обучению и осознанию себя как личности. Он может достичь преклонного возраста и умереть с душой ребенка. После смерти его душа может вернуться обратно туда, откуда пришла ранее. Здесь, в России, я впервые прочитал одно шутовское выражение, которое смысловым образом примерно соответствует человеку с первичной душой и оно звучит так:

«Если вы думаете, что с возрастом молодой дурак поумнеет – вы ошибаетесь. Он просто станет старым дураком». (Зеленая мерцающая точка, смеется)

Есть и другой вариант, когда при благоприятных обстоятельствах наступает переход на вторую ступень – реинкарнация души с уже имеющимся опытом жизни в другом человеке. И

опять же, это не означает автоматического совершенствования человека с более возвышенной, я бы сказал «улучшенной» душой. Здесь в дело должен вступить наставник, который сможет помочь человеку найти себя.

В большинстве случаев люди, обладающие душой второго уровня, никак не используют свои возможности для развития, поскольку о таких и не предполагают. Конечно же, бывают и исключения из правила, когда вроде бы подросток или молодой мужчина не по годам ответственен и настойчив в достижении цели. Такие люди становятся выдающимися учеными, правителями, проповедниками, мудрецами. Их уважают, их любят именно потому, что они значительно ускоряют развитие человечества, помогают людям найти смысл в жизни, почувствовать вкус к созидательному труду. (Темно-красная точка медленно пульсирует. Задумался – пауза)

– И теперь я хотел бы обратить твое внимание на главную задачу моей и твоей жизни. Первое. Ты должен вырасти, я имею в виду тело – пока еще младенца – в которое перешла твоя душа. И во время процесса роста и взросления мы будем с тобой общаться и помогать Петру стать именно тем человеком, который заменит меня на моем посту в Москве. (Мигающая Зеленая точка – конец смысловой части). Ты готов к этому, Василий?

– Учитель, а как я могу отказаться от этого пока единственного пути развития? Вы ставите передо мной такие вопросы, на которые может последовать единственный ответ – да, раз я избран высшими силами для этого, я согласен. Глупо было бы отпираться. (Зеленая точка – спокойный ответ).

– Хорошо, Василий, я не ожидал другого решения. Но на этом пути будет много трудностей и препятствий, и мы должны преодолеть их сообща. На сегодня – главная задача, ты не поверишь, но это так – отыскать тебя в России.

– Не понял, как это, отыскать? Ты уже нашел меня, и мы разговариваем... (Светло-синяя пульсирующая точка – замешательство)

– Поясню. Тебя вместе с Петром... Хотя, давай определимся с терминами: пока Петр находится в состоянии младенца и до двух с небольшим лет, в наших беседах я буду называть тебя Василием, чтобы не путаться. Хорошо?

Василий кивнул головой... Потом исправился – ведь никто этот жест не увидит:

– Конечно, да, правильно. (Мигающая Зеленая точка – конец смысловой части)

– Продолжаю. Напомню. Мы разговаривали о Москве. Так?

– Да, Учитель.

– Для того чтобы получить себе в заместители тебя, Василий (в виде Петра) надо воспитывать и давать тебе знания именно в Москве. А ты не подскажешь, в каком населенном пункте ты родился и живешь, Василий? Не знаешь? Вот и я не знаю. Предвосхищая вопрос о том, как же мы общаемся, не зная, кто и где находится, скажу: для ментального или эфирного общения не нужно знать географического местоположения собеседника. Надо быть настроенным на его волну и всё.

Именно поэтому прошу тебя запомнить и сообщить мне: как зовут «твоих» родителей, название населенного пункта, где работает отец. Одно радует – по косвенным признакам ты находишься в России. (Мигающая Зеленая точка – конец смысловой части)

– Учитель, а как я могу узнать название населенного пункта?

– Да просто. Наверняка «твои родители» смотрят местные новости по ТВ или слушают местное радио, вот тебе и источник информации, а как они зовут друг друга – ты уже слышал: ты уже можешь сказать мне это сейчас.

В разговоре наступила пауза.

– Их зовут – Лида и Сергей. Я знаю только улицу. Когда «меня» забирали из роддома, Сергей назвал таксисту свой адрес: улица Маяковского, дом 9. Как определить название населенного пункта и работу «отца» я определился. Сообщу, когда смогу. А сейчас временно разговаривать не могу – Петенька обкакался – встала мать и меняет подгузник, да и «шершавая рука

голода» выдавила из младенца требование покормить. Поэтому, Учитель, спасибо за помощь. Постараюсь быть в готовности к контакту в следующий сеанс. До свидания. (Медленно гаснущая зеленая точка).

Глава 13. Арнольд Самуилович: сны

*Когда случается упасть,
достойный человек падает, как мяч, ничтожный – как ком глины.*

Индийский эпос

Мягкое шипение вентиляции в салоне бизнес-класса «Боинга» никоим образом не мешало релаксации человека лет пятидесяти от роду, вальяжно возлежавшего на специально сконструированном кресле. Это был брюнет с заметной пролысиной в мелких кудряшках волос на тыквообразной голове. Длинный отвислый нос не прикрывал редких усиков над верхней, слегка вздернутой губой, открывавшей два желтоватых резца. Мощные веснушчатые руки возлежали на небольшом животике. Арнольд Самуилович Упёртый спал. Ему снились красивые цветные сны с мультипликативным эффектом. Звуча почему-то не было. Наверное, настройки сбились.

Он куда-то бежал, бежал легко и свободно, высоко подпрыгивая. Свежий теплый ветер омывал его разгоряченное лицо. Ничто не подсказывало во сне, куда, собственно, бежит Арнольд Самуилович. Да это иногда бывает неважно, главное, что процесс шел, да и ладно. Его взгляду раскрывались просторы родной земли, полей, дорог, перелесков, улиц, тротуаров, светофоров, магазинов.

Арнольду было 23 года, и он бежал в магазин за водкой – как всегда, ее не хватило. Тут же на внутреннем экране возникла бегущая надпись: Пошли дурака за водкой в магазин, он, дурак, одну бутылку и купит. Надпись была исполнена курсивом, шрифтом Таймс Нью Роман, размер 14.

Цель была поставлена, курс проложен – Сельпо уже работало, было около 12 часов дня пополудни. В потном грязном кулаке Арнольда (или Арни, как его называли только близкие друзья, намекая на одного культуриста из Австрии) было зажато пять рублей. Безумные, навывкате, глаза выражали радость, по блестящему от пота лицу блуждала шальная улыбка – Арни, как на крыльях, летел к своей мелкой, но сбыточной мечте – бутылке водки стоимостью 3 рубля 62 копейки, буханке орловского хлеба и колечку краковской колбаски.

И вот, уже на излете по пути к своей мечте – до магазина, где опершись мощной грудью на грязный прилавок, больше похожая на свинью, чем советскую женщину, его ждала Легонтина Савельевна, Арни внезапно споткнулся и почему-то беззвучно упал в мягкую теплую дорожную пыль. Непроизвольно вдохнув в себя дорожную «пудру», Арни закашлялся, из глаз его потекли слезы – в большей степени от обиды, чем от боли. Еще несколько секунд пролежав в пыли, он почувствовал, что кто-то поглаживает его по плечу и зовет:

– Арни, Арни! Что с тобой? Опять тот сон? Бедный ты мой Арни – проснись – это я, Клара.

Арнольд Самуилович встрепенулся и открыл свои глаза – Клара, его референт по штату, а по совместительству – наперсница, улыбаясь, стояла рядом с креслом и показывала ему свои цвета слоновой кости зубки в разрезе прелестных губ.

– Что, опять за водкой бежал? – озабоченно спросила Клара.

– Да, – обреченно выдохнул Арнольд Самуилович, – дай водички, горло пересохло.

Выпив стакан «Виши», Арнольд откинулся на изголовье кресла и пробормотал:

– Хорошо хоть сны снятся о водке, а не о любимой работе... Тьфу, оговорка прям по Фрейду. Да, кстати, хочу спросить – как там дела у наших строителей?

– Арни, ты же меня знаешь, я всегда в курсе – проворковала Клара.

– Да уж, как не знать, – отозвался Арни, – знаю я тебя неплохо, – намекнул он со смешком.

– Да я не об этом, – усмехнулась Клара, – как ты и говорил, мы заключили договор с Центром Йоги, и все наши специалисты будут здоровы, и как следствие – работоспособны. Ты лучше помечтай о другом: как мы будем сидеть в шезлонгах на краю бассейна с лазурной водой. О том, как мы будем плавать в ласковом море, и судьба будет улыбаться нам. Хорошо?

– Конечно, конечно, моя дорогая, – выдохнул Арнольд Самуилович, и со счастливой улыбкой вновь откинулся на спинку кресла. Его веснушчатая рука, немного задержавшись на подлокотнике кресла, упала на левое колено Клары.

Арнольд Самуилович Упёртый летел на отдых.

Полет продолжался. Арни втянул воздух ноздрями и почувствовал аромат духов и ощутил влияние феромонов от сидевшей рядом Клары. Он всегда успокаивался, когда рядом с ним была эта женщина – синоним постоянства и удачи в его жизни. Клару Органовну Сущую тоже устраивал Арнольд Самуилович: ничего особенного не требовал, осуществлял свои шалости быстро и ненадоёдливо, щедро одаривал разными безделушками типа брюликов и не следил за нею. А надо было бы.

Клара Органовна очень хорошо исполняла свою роль референта и покорной наложницы, но у нее была своя тайна, о которой, прочем, до поры до времени мы не скажем – время еще не пришло. Кларе недавно исполнилось 29 лет, росту в ней было около метра семидесяти, роскошная грудь всегда выглядывала из глубокого декольте ее любого одеяния – будь это платье, блузка или что-либо другое. Медно-рыжие волосы волнами спускались на ее плечи, бриллиантовые сережки в маленьких прелестных ушках подчеркивали красоту ее зеленых глаз, закрытых сейчас по случаю сна. Ей тоже снился сон, но он существенно отличался ото сна Арнольда Самуиловича, скажем, как самолет на реактивной тяге отличается от самоката.

Но вернемся к Арни: Президент корпорации «ПоСтройка» медленно и привычно погружался в продолжение своего прерванного сна. Вы думаете, он очень хотел этого? Да кто-ж его спросил, и продолжение неумолимо последовало.

В части второй этого сна, наконец, появился звук – стерео, Dolby Surround, с расширенной базой звучания. Будь зрители рядом – они оценили бы это качество. Но никого не было рядом, лишь Арни медленно вставал в туче поднявшейся вокруг него пыли. Тем, кто не видел первой серии, скажем – Арни упал на мягкую пыльную дорогу по пути следования за бутылкой водки в винно-водочный магазин.

Встав на ноги, Арни тут же посмотрел на свой кулак – пять рублей по-прежнему торчали из него, напоминая о том, что надо стремиться к цели. И уже неважно, что вспотевшее его лицо было в пыли, так же в пыли была вся его одежда: Арни уже поднимался на крыльцо Сельпо и открывал дверь в магазин.

Магазин был пуст и прохладен, за стойкой в ожидании посетителей полустояла – полулежала Легонтина Савельевна, возложив свою гордость – обширную грудь на половину прилавка. За ее спиной на полочках стояли ряды спиртного – разного всякого. Там были и искомая Арнольдом водка «Московская» с зеленой этикеткой за 3 рубля 62 копейки, гордо стояла «Столичная» за 4 рубля 12 копеек, «Сибирская» водка удивляла своей дороговизной в 6 рублей 20 копеек и картинкой тройки лошадей на этикетке. Стояли там и вина, особенно востребованные советской молодежью, например «Фруктово-ягодное (фруктово-выгодное, как шутили его поклонники) вино» за 1 рубль 2 копейки, портвейн «Кавказ» за 2 рубля 33 копейки. Короче говоря, это великолепие завораживало неискушенного посетителя. Но не Арни: он твердо знал, за чем пришел сюда.

Подойдя к прилавку, Арнольд невольно скользнул взглядом по ложбинке груди Легонтины Савельевны, в ложбинке он увидел золотую цепочку. Что там висело и висело ли что-либо вообще на ней, ему увидеть было не дано – сие было тайной. Оторвавшись от лицезрения

прелестей Легонтины, Арни окинул взглядом ряд бутылок и, найдя искомую «Московскую», разжал потный кулак и с гордостью кинул «пятерку» на прилавок:

– Мне, водки, «Московской», за три шестьдесят две и колечко «Краковской» (Хряковской – как ее иногда называли шутники).

И тут Арни услышал какой то стук, это было похоже на стук костяшек руки по двери в знак обозначения желания войти. Он посмотрел на Легонтину и ничего в ее ясных глазах не увидел: продавщица ничего не слышала. Стук продолжался уже настойчиво и более громко, мягко всхлипнув, Арнольд Самуилович проснулся, лоб его был в поту, бутылка водки, обретенная во сне, выпала из рук, превратившись на лету в привычную «Виши», и жидкость беззвучно орошала пол в салоне самолета.

Над ним стояла Клара и промокала его лоб влажной салфеткой:

– И далась тебе эта водка, лучше думал бы о чём другом – например, о здоровом образе жизни, – в сердцах выдохнула Клара.

Арни ничего не сказал. Действительно, этот сон уже много лет отравлял ему жизнь, но сделать было ничего нельзя – лучшие психотерапевты и сомнологи исследовали его случай с нулевым результатом.

– Да, кстати, что там у нас с доходностью наших акций? – вдруг ни с того, ни с сего спросил Арнольд Самуилович уже более твердым голосом.

– Арни, дорогой, успокойся, об этом ли тебе надо говорить на отдыхе? Пойдем лучше в бар – выпьем чего-нибудь, сока, например, – предложила Клара.

Оживившись, Арни вызволил из мягких глубин кресла свое грузное тело. Вектор движения указывал на бар: Арни всегда достигал своей цели. Президент корпорации продолжал свой полет на отдых.

Помимо того, что Арнольд Самуилович неплохо управлял своей строительной корпорацией, успешно зарабатывая на государственных и частных заказах, он очень любил скачки и практически не пропускал ни одного забега с участием своих любимцев – жеребца Алмаза и кобылки Звездочки. Для каждой лошади он установил свою личную стипендию и ежемесячно доплачивал владельцу конюшни Зурабу Нугзаровичу Шаташвили некую сумму, о размерах которой никто ничего не знал. Но то, что она была немаленькой – не сомневался никто: Арнольд славился широтой души, конечно, в пределах возможного, и с учетом обстоятельств.

Клара Органовна всегда сопровождала Президента на эти скачки, поскольку жадно впитывала в себя бурю эмоций от простых зрителей и игроков. И не одна она приходила сюда именно за этим. Ну и случай покрасоваться в кругах высших чиновников и олигархов тоже использовался для получения заказов для компании. По какой-то причине, мы даже не предполагаем по какой, Клара получала значительно больше заказов для компании своего шефа, а именно, от заместителя министра строительства столицы Игоря Христофоровича Феодоровского. Возможно, это случалось именно потому, что Феодоровский – красивый, статный собой, высокий брюнет с голубыми глазами не пропускал ни одной юбки. А уж если он ощущал жгучесть и огненность собеседницы – тогда каждая деловая встреча с дамой непременно имела продолжение в постели (ну, или окончание – как масть ляжет). Но не будем об этом сейчас, поскольку речь пойдет об изумительной везучести Арнольда Самуиловича на скачках: никто уже не припомнит: когда он в последний раз крупно проигрывал свою ставку. Да и о размере его выигрышей в среде лошадиников ходили легенды, мало того – налоговая служба тоже криво посматривала на столь успешного игрока: теория вероятности не допускала неоднократного попадания в яблочко – и каждый раз.

Конечно же – это были всего лишь слухи, были у Арнольда Самуиловича промахи. Были. Но точно об этом никто не знал, поскольку иногда ставки делались через подставных лиц. Выигрыши всегда выпячивались, а проигрыши – замалчивались. Ну, а уж истинная правда не известна была никому, кроме самого Арнольда и его Кларочки.

А еще поговаривали, что что-то здесь было не то, или не так. Ходили пересуды, что неоднократные налоговые проверки не показали никаких отклонений, и каждый раз Арнольд выходил сухим из воды.

Вот за что его, не красавца, обожала Клара Органовна, жена и дети тоже были довольны! Ну, успешен их любовник, муж и отец, ну и что? Ну, повезло ему с интуицией, но это же вещь неизмеряемая, и купить ее за деньги нельзя, думали завидующие ему коллеги.

Но он еще не знал, что купить то, что называется интуицией, или нет – не интуицией, а информацией о будущем событии, как оказалось можно.

– Ах, ты мой толстячок, – говаривала, бывало, Арнольду его возлюбленная Клара опосля плотского удовольствия. При этом она ласково похлопывала Президента по арбузному пузику.

– Знаешь, Арнольдик, – от этих слов Кларочки Арнольд Самуилович поморщился, безобразно оттопырив нижнюю губу, – а надо бы тебе здоровьице поправить.

Арнольд ошарашенно и непонимающе выпучил на наперсницу глаза:

– Не понял... Я что, совсем плох стал, или что?

– Да нет, милый, ты все не так понял – ты еще парень хоть куда, но поддерживать себя в форме надо. Я вот хожу в Центр Йоги, что на ВДНХ, и мне очень нравится тамошний директор. Из Индии, кстати, приехал – самый настоящий йог! У-умный! Это что-то! Я у него спросила насчет тебя – и он пригласил тебя на разговор.

Арнольд опять возмутился:

– Да кто тебя просил это делать? Не надо мне этого, заниматься ерундой, время зря тратить. Не пойду! Не хочу!

И тут настала очередь возмутиться Кларе Органовне:

– Да как ты смеешь мне выговаривать! Я за тебя радею, стараюсь, а ты... а ты..., – всхлинула она.

– Ну ладно, ладно, пойдем вместе, – примирительно пробормотал Арни, – Кларочка, я ... это... погорячился.... Забудем, а...?

Глава 14. Арнольд Самуилович: судьбоносная встреча

*Даже тот, кто далеко, стоит рядом, если он в твоём сердце;
даже тот, кто стоит рядом, далек, если твои мысли далеки от него.*

Индийский эпос

10 утра, лето, июль, Москва, среда. Теплый ветер лениво колышет листву деревьев и кустов в парках и на улицах столицы; под сенью каштанов, тополей и кленов мамочки с колясками и пенсионеры с палочками неторопливо гуляют по дорожкам скверов города на семи холмах. Слышен ребячий гомон и скрип качелей на детских площадках, жизнь идет своим чередом.

Середина рабочей недели. Те, кто хотели приехать на работу – уже на ней находятся, время обеда еще не пришло, в офисах идут планерки и совещания – обсуждаются планы на будущее, подводятся результаты прошедшего дня.

К воротам Центра Йоги тихо урча мощным двигателем и мягко покачиваясь на мягкой подвеске, неторопливо двигался Роллс-ройс, поблескивая полировкой, хромированной отделкой и затененными стеклами пассажирского салона. Перед остановившимся автомобилем медленно раскрылись кованые металлические ворота, и гости проследовали на территорию.

Как истинный строитель до мозга костей, Арнольд с первого взгляда сразу же оценил достоинства здания Центра Йоги. Двухэтажный коттедж стоял прямо в центре парка, к нему вела покрытая тёмно-красной плиткой дорожка, справа и слева от которой нарядно выстроились березки с праздничными белыми стволами. По его оценкам, небольшая площадь перед входом была рассчитана на парковку 30 автомобилей, с правой стороны явно просматривались ворота для въезда в подземный гараж.

Стены коттеджа, если так можно было назвать это далеко не маленькое здание, были отделаны керамической плиткой кремового оттенка, панорамные пластиковые окна с рамами под бук выделялись тонировкой, скрывавшей от любопытных глаз жизнь внутри.

Оценив масштаб и добротность самого здания и территории вокруг, Арни вдруг понял, что постройка такого стильного сооружения и его содержание стоят немалых денег, не считая уже затрат на покупку земли прямо в центре Москвы.

– Видимо, деньги у них имеются, и на чем-то владельцы бизнеса их зарабатывают, – подумал наш герой, – значит, я приехал именно туда, куда надо.

Медленно развернувшись на площадке перед входом, Роллс-ройс остановился, водитель вышел, быстрым шагом обошел автомобиль и открыл дверь пассажирам. Первым в проеме двери показался Арнольд Самуилович, несмотря на работу кондиционера в машине, его лысина была покрыта мелкими капельками пота: он шел в неизвестность с одышкой, тяжело дыша.

Следом за ним птичкой из автомобиля выпорхнула Клара Органовна.

Поскольку швейцара около входа не наблюдалось, с явным неудовольствием Арнольд лично открыл входную дверь и грузно проследовал в прохладу вестибюля.

– А Петровича, водилу, я опосля вздую за неоказанную почтительность, – подумал Арни, поджав и без того маленькую нижнюю губку.

– Арнольдик, пойдем, я тебя проведу прямо к Амриту, к директору, – прошептала ветерком на ушко Клара, он тебя уже ждет. Слово «тебя», она специально выделила тоном, поскольку знала, что Арни был падок на лесть.

– Ладно, ладно, пойдем, – Арни промокнул вышитым шелковым платочком лысину, – посмотрим, что этот индус нам предложит.

Под местоимениями «мы, нам» он обычно подразумевал себя.

По длинному коридору, приглушенно освещенному светильниками в нишах стен, украшенных картинами или репродукциями пейзажей природы Среднерусских равнин, Арнольд и Клара подошли к массивной, красного дерева двери с бронзовой табличкой:

«Амрит Сингх, д.м.н., директор».

Что было написано ниже, посетители, скорее всего не прочитали, потому как на языке хинди там было написано «Будь внимателен к гостю, пусть он твой враг».

Дверь открылась неожиданно легко и беззвучно, на вошедших пахло приятными индийскими благовониями.

Амрит стоял на середине кашмирского ковра, полностью покрывавшего пол. Он был одет в белые спортивные брюки и красную футболку с надписью белыми буквами С.С.С.Р. на фоне герба Советского государства, его туфли стояли у входной двери – директор был в черных носках.

Радушно улыбаясь – на чисто выбритых щеках цвета светлой оливки образовались ямочки – Амрит сделал два шага навстречу вошедшим:

– Здравствуйте, добро пожаловать, – негромко сказал он обволакивающим голосом с приятным акцентом. – Клара, если я не ошибаюсь, с Вами рядом Арнольд Самуилович?

– Да, Амрит, Вы не ошиблись, это именно так, – повернулась она к Арнольду с улыбкой.

С неестественно застывшей гримасой на лице и протянутой для рукопожатия правой рукой, Арни деревянно двинулся к Амриту:

– Здравствуйте..., э-э-э-э, – он повернулся к Кларе Органовне:

– Амрит! – громко прошептала она.

– Здравствуйте..., э-э-э-э, господин Амрит, мы это... пришли.

При рукопожатии своей теплой рукой Амрит ощутил холод влажной ладони Арнольда и, наклонившись в полупоклоне, мягко, почти одним губами прошептал:

– Не волнуйтесь, Арнольд Самуилович, – мы Вам поможем.

Этот шепотом сказанные слова грохотом прозвучали в голове Арни, и он удивленно вздел вверх свою тыквообразную голову с немым вопросом в глазах.

Клара не услышала этих слов, которые так взбудрили Арнольда, – она поняла лишь ответ гендиректора:

– Да, да, конечно, – и не могла сообразить, к чему это он сказал.

С окончанием приветствия Амрит развернулся влево и жестом руки пригласил гостей за столик, где уже стояли три чайных прибора, серебряная сахарница с ложечкой и керамический чайничек на деревянной подставке.

Арнольд и Клара удобно уселись в кресла по обе стороны столика, хозяин лично разлил зеленый чай по чашкам, что, впрочем, никак не было отмечено присутствующими гостями. По лицу Арни было видно, что в его голове происходит сложная мыслительная деятельность – он думает. Такое с ним иногда случалось, да и мы с вами тоже иногда не чужды таким процессам.

В начале беседы Амрит представился, вкратце рассказал о целях и задачах Центра Йоги и предложил Арнольду пройти медицинское обследование за приемлемую плату.

– Наши дипломированные медицинские специалисты проведут полное обследование Вашего организма, уважаемый Арнольд Самуилович, и выдадут рекомендации по оздоровлению, если таковое будет нужно. Но, думаю, рекомендации никогда не бывают лишними. Вы же понимаете, что не бывает полностью здоровых людей – бывают недообследованные, – при этих словах директор приветливо улыбнулся, почему-то взглянув на Клару Органовну.

– Вот, пожалуйста, ознакомьтесь с прайс-листом наших услуг, – Амрит протянул пластиковую папочку с бумагами Арнольду. Тот взял документ автоматически: мыслительный процесс еще продолжался.

Отхлебнув глоток, Арнольд чуть поморщился – он не любил зеленый чай – и с заинтересованным видом стал листать папочку, внимательно вглядываясь в буквы и цифры. Минут через пять, покончив с этим, Арнольд вынес вердикт:

– Ну, что-ж, давайте проведем обследование. Жду Ваших предложений, господин директор, по дате и времени.

Протянув руку к рядом стоящему столу, Амрит взял журнал с записями. Через пять минут обсуждений стороны согласовали дату, время и объём обследований.

Заканчивая встречу, Арнольд внезапно спросил:

– Господин директор, я внимательно прочитал, даже не прочитал – изучил прайс-лист с услугами Вашего Центра и почему-то решил, что в документе указано не всё.

В воздухе повисла тишина

– Я хотел сказать, извините, что там перечислены не все услуги. Я, почему-то ТАК думаю, – Арнольд с прищуром посмотрел в честные глаза Амрита. Тот не отвел взгляда и не дрогнул:

– Вы правы, уважаемый Арнольд. Но эту тему мы с вами обсудим наедине. После обследования. Договорились? – Амрит наклонил голову.

– Я согласен, – поднимаясь с кресла, ответил Арни.

Произнеся все подобающие случаю дежурные слова, парочка откланялась и отбыла восвояси.

– Арни, что за игры ты затеял, я тебя не понимаю, – заволновалась Клара, когда они шли по коридору в сторону выхода.

– Да я его взял «на пушку». Это сработало. И я сильно удивился – бывает же такое, – ухмыльнулся Арни. – Я тебе это потом скажу, – Арни сделал паузу, – если смогу.

– А сейчас поехали домой, я соскучился по водочке из запотевшей бутылочки и хрустящему малосольному огурчику со вкусом укропчика.

С этими словами парочка вышла из вестибюля к автомобилю, не заметив удивленного взгляда охранника: таких клиентов здесь он еще не видел.

Встреча Арнольда Самуиловича Упёртого и Амрита Сингха была назначена на вечер четверга, на 18.00 в центре Йоги. Без десяти шесть во дворик Центра медленно въехал Роллс-Ройс, его движение закончилось точно около главного входа – Арни был пунктуален, и того же требовал от других.

Пассажирскую дверь бронированного чуда автопрома Великобритании открыл водитель. В соответствии с клише бандитских, да и не только бандитских фильмов из Голливуда, в про свете между днищем автомобиля и землей появились ноги мужчины в черных лаковых туфлях. Носки на нем были коричневого цвета.

Сначала из проема двери автомобиля показалась лысая мужская макушка в ореоле редких волос с бисеринками пота, а потом показалось и тело полного, грузного мужчины. Лицо мужчины было красным, изо рта с сипением вырывался и всасывался воздух – Арнольду Самуиловичу было тяжело, но еще тяжелее для него было осознавать, что его здоровье и в самом деле подвергается опасности из-за превышения допустимого веса тела. На вскидку трудно сказать сколько он в самом деле весил. Ну, может быть, более 120 килограммов, может, и больше.

Внутри здания его ждал Амрит, по случаю визита важного гостя облаченный в строгий синий костюм, на нем была рубашка светло-кремового цвета и темно-синий в косую полоску галстук. Директор Йога-Центра всегда выглядел стильно, поскольку обладал идеальным мужским телосложением, о чем ему всегда с восхищением сообщали персональные портные.

Через свои источники Амрит загодя выяснил информацию об Арнольде Самуиловиче, известном строителе и предпринимателе. Его состоятельность и устойчивость бизнеса не вызывали сомнений в платежеспособности. Соответственно, заказ на необходимую информацию из временного может стать постоянным – а стабильность входящих финансовых потоков была залогом успешного существования компании.

Арни подошел к автоматически открывшейся перед ним двери и прямо за ней увидел широко и искренне улыбавшегося директора Центра:

– Здравствуйте, уважаемый Арнольд Самуилович! Вы, как всегда, пунктуальны – и это не может не восхищать на фоне молодых юнцов, могущих только болтать, много требовать и ничего не делать. Добро пожаловать!

– Добрый вечер, господин директор, – вытирая кружевным платочком вспотевшую лысину, поприветствовал Амрита гость. – Что мне сегодня тяжело, чувствую – гроза надвигается, в воздухе парит и чувствуется какая-то спертость...

– Ничего страшного, – Амрит аккуратно и уважительно взял Арнольда Самуиловича под локоть, – у нас работают кондиционеры, воздух всегда отфильтрован и свеж. Пойдемте к нашим специалистам, они Вас посмотрят, исследуют, соберут необходимую информацию о состоянии Вашего здоровья. Это займет от получаса до сорока пяти минут. Результаты исследований будут готовы через сутки, тогда же конверт с этой информацией Вам доставит курьер по указанному адресу.

– После исследования я приглашаю Вас к себе для обсуждения вопросов, затрагивающих наши общие интересы. Я думаю, что Вы не будете против визита.

«Во шпарит, – подумал Арнольд, – как по писанному – надо соглашаться: а вдруг что-то выгорит...»

– Да, да, конечно, – уже вслух сказал Арнольд Самуилович, согласно кивая головой.

Вдвоем они прошли по коридору в глубину здания, повернув направо, мужчины остановились возле кабинета № 15 с табличкой «Джиотиш Шетти, терапевт, кандидат медицинских наук». Амрит предупредительно открыл дверь перед гостем и пропустил его вперед.

Кабинет терапевта был обширен: с левой стороны практически все его пространство занимали два окна, затененные пуленепробиваемой пленкой.

Об этом, кстати, Арнольду Самуиловичу на предыдущей встрече сообщил Амрит:

– И к вопросу о безопасности здания и наших гостей: Центр Йоги охраняется круглосуточно, вход и все помещения оборудованы сигнализацией и видеонаблюдением, в рамках на окнах стоит пуленепробиваемое стекло, армированное тонкой титановой сеткой. Ее не видно, но производитель дает гарантию, что оно остановит удар пули из крупнокалиберного пулемета. Здесь все себя чувствуют спокойно.

С левой стороны от двери, у стены стоял металлический медицинский шкаф с прозрачными дверцами, рядом с ним пристроился металлический столик с инструментами под белой простыней. Также слева, но ближе к двери, за белой полотняной ширмой стояла кушетка.

Рабочий стол врача располагался в правом углу кабинета. Тут же из-за него к пациенту вышел терапевт – темноволосый индиец. Роста он был выше среднего, худощав, темно-коричневые, практически черные глаза в цвет с волосами притягивали взгляд каким-то теплым магнетизмом.

– Здравствуйте, Арнольд Самуилович, проходите, пожалуйста, – на чистом русском языке, улыбаясь, приветствовал гостя терапевт, – меня зовут Джиотиш Шетти. – Сейчас мы обследуем Вас, возьмем необходимые анализы и проведем томографию – вот здесь, – он указал на дверь с табличкой «Томограф» слева от него.

– Арнольд Самуилович, прошу Вас сесть вот сюда, – терапевт указал на стул из гнutoго темного металла с широким мягким матерчатым сидением серого цвета.

Арни, озираясь по сторонам, шагая как на шарнирах, подошел к стулу и медленно сел на него, удерживая равновесие рукой на столешнице стола терапевта. Затем, он повернулся к врачу:

– А как с оплатой услуги? Вы ничего не сказали об оплате, – констатировал Арнольд.

– Ах да, – как будто вспомнил, терапевт, – пожалуйста, все финансовые вопросы Вы сможете решить с директором Центра, – и он посмотрел на Амрита.

Тот в ответ кивнул:

– Мой коллега прав, именно так. И, Арнольд Самуилович, я Вас покидаю, минут через сорок пять я вернусь – после процедур я приглашаю Вас испить чаю или кофе, там все и обсудим – сообщил Амрит и вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.